



XXXVI г.

№ 23

Выданъ 11-го июня 1905 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

1905

Выходить еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложень, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № предлагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 33.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 г. Съ приложеніемъ **40 книгъ** „Сборника нивы“, содержащихъ: Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. П. ПЕЧКОВСКОИ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римская-евская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Волченокъ.

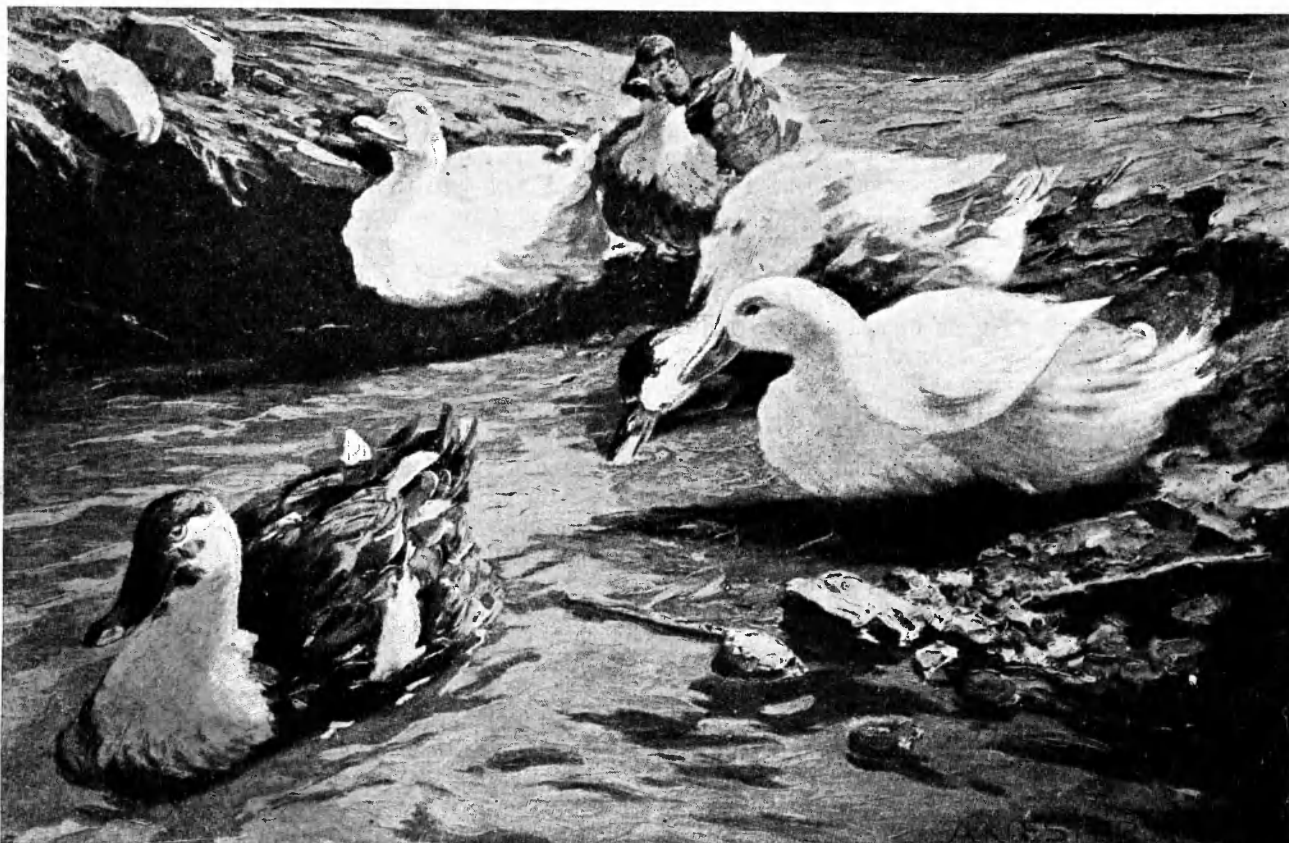
Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

Ровно въ полдень, снѣжора Беатриче появилась въ мастерской Андрея Ивановича съ грудой дымящихся макаронъ. Приготовлены онѣ были по-итальянски — то

есть недоварены, и вязли на зубахъ. Но Андрей Ивановичъ привыкъ къ этому вязкому и безвкусному блюду еще въ свой первый прѣздъ, и потому принялся за



Утки. Картина А. Кестеръ, авт. «Нивы».

нихъ съ аппетитомъ, предложивъ хозяйкѣ стаканъ кіанти.

— Ахъ, я совѣмъ не пью, синьйоръ Андреа,—грустно сказала она, садясь противъ него.—Это было любимое вино моего мужа, и оно наводитъ на меня всегда грустные мысли.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ глазъ ея выкатилась слеза, но, впрочемъ, тотчасъ же и подсохла, не успѣвши перейти на платокъ. Вино не только не способствовало ей грусти, но, напротивъ, придало лицу ея такое радостное выраженіе.

— Если-бъ вы знали, какъ я счастлива, синьйоръ Андреа,—говорила она:—какъ я счастлива своими дочерьми. Инесса, хотя ей было всего десять лѣтъ, поддерживала меня въ моемъ горѣ, и дала средства къ существованію. Она удивительно умна. Это феноменъ среди дѣтей. Когда я похоронила мужа, мое горе не знало предѣловъ. Я лежала на плитахъ этого двора и билась въ истерику. И вдругъ, ко мнѣ подходитъ Инесса и говоритъ: «мама, о чемъ ты такъ печалишься? Неужели ты думаешь, я не поддержу тебя?» Понимаете, это говоритъ десятилѣтній ребенокъ, крошка!

— Удивительно!—подтвердилъ Андрей Ивановичъ, и долилъ ей отпитый стаканъ. Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его маневра.

— Я говорю: Ангелъ мой, тебѣ ли, крошкѣ, поддерживать меня? А она отвѣчаетъ: «Развѣ ты не знаешь, что Алессіо Барбери пишетъ Воскресенье Христово, и хочетъ окружить гробъ ангелами? Онъ никакъ не можетъ найти ангела, и говорилъ, что готовъ заплатить двѣ лиры въ часъ, если ему удастся найти подходящую головку,—вотъ въ родѣ какъ у Инессы, что живетъ напротивъ. Это онъ сказалъ, мама, и ты увидишь, у насъ будутъ деньги». Я, конечно, тотчасъ побѣжала къ Барбери, начала плакать и говорить, какъ я несчастна. Онъ вошелъ въ мое положеніе и предложилъ Инессѣ три лиры въ часъ. И сейчасъ же распространился по Риму слухъ, что у Барбери позируетъ идеальный ребенокъ. Дженовезе изъ Болоньи предложилъ четыре лиры. Шмидтъ изъ Вѣны—пять. А лордъ Стивенсъ, богатый-любитель, давалъ по двадцати пяти лиръ за сеансъ, рисовалъ очень плохо, но изобразилъ ее амуромъ съ розой, прозенной стрѣлою.

— Это что же за аллегорія?—освѣдомился Андрей Ивановичъ.

— Не могу вамъ сказать, но онъ увѣрялъ, что сердце его пронзила маленькая дѣвочка. Онъ предлагалъ мнѣ ее усыновить, и давалъ за это сорокъ тысячъ лиръ, но я, конечно, не согласилась, потому что никогда не разстанусь съ моей очаровательной крошкой. Онъ былъ страстно въ нее влюбленъ. Но, конечно, на всѣхъ сеансахъ и ни минуты не оставляла ихъ глазъ-на-глазъ. Онъ бы могъ ее похитить,—отъ англичанъ всего можно ожидать... А отличное вино у васъ, синьйоръ Андреа. Вы гдѣ его брали? Не въ переулкѣ нальво, гдѣ антега?

Андрей Ивановичъ пододвинулъ къ ней бутылку.

— Ну, и долго такъ позировала Инесса?—спросилъ онъ.

— До четырнадцати лѣтъ. Когда ей минуло четырнадцать лѣтъ, я ей сказала: душа моя, теперь тебѣ неприлично позировать передъ мужчинами неодолю. У тебя есть маленькое приданое, скопленное собственнымъ трудомъ. Увеличивай его, но не смѣй передъ мужчинами обнажать даже плечи. Впрочемъ, мѣсяца два назадъ она позировала въ видѣ Пенхен передъ баварской художницей Грюнвальдъ. Ея полотно произвело фуроръ. Инессѣ предлагаютъ двѣсти франковъ за сеансъ, но я не позволю и за тысячу.

Она вылила изъ бутылки послѣднія капли.

— Но если вы, мой жилецъ, захотите писать Инессу,—конечно, въ костюмѣ,—то за десять лиръ въ часъ

она къ вашимъ услугамъ. Она очаровательно позируетъ—какъ мраморная.

— Очень пріятно,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Я завтра же попрошу ко мнѣ m-ле Инессу.

— А какой сюжетъ у васъ?—спросила она.

— У меня много сюжетовъ. Вотъ мнѣ нужно написать мученицу Варвару.

— Ахъ, она удивительна для мученицы! Когда она поднимаетъ глаза вверхъ, у нея по лицу разливаются что-то неземное. Въ бѣломъ длинномъ платьѣ, съ лиліей въ рукахъ,—это будетъ прелестно! Другой такой Варвары вы не найдете во всемъ Римѣ. О Неаполѣ я не говорю. Вообще вы посмотрите на ея профиль. Знаете, почему онъ такой? Потому что ея отецъ изъ Генуи. А вы знаете, генуэзцы—это самые красивые люди въ Италіи. Мы въ Генуѣ жили на горѣ, и отъ насъ сверху была видна вся гавань, и этотъ бѣлый маякъ и голубое безбрежное море. Въ Генуѣ, въ Кампо-Санто, похоронена моя бѣдная мать. Оттуда мы переселились сюда, такъ какъ мужъ получилъ здѣсь мѣсто...

— Мама!—раздался окликъ Джульетты:—у тебя много уходитъ, надо его отодвинуть...

Синьйора вскочила.

— Экая дрянь, не можетъ сама!—воскликнула она.—Благодарю васъ, синьйоръ Андреа! Завтра Инесса у васъ съ утра.

Она ринулась изъ студіи, и вскорѣ раздался со двора ея звонкій голосъ:

— Этотъ чертенокъ сведетъ меня съ ума! Я убью его!..

А въ отвѣтъ слышался серебристый хохотъ Джульетты.

XIX.

Послѣ завтрака Андрей Ивановичъ, бродя безцѣльно по улицамъ, попалъ въ какую-то лавчонку, куда нисильно, успѣвши за фалды, втащить его приказчикъ. Чтобы отвязаться отъ него, онъ купилъ нитку яркихъ коралловъ. Купилъ онъ ихъ безо всякой цѣли, опустил въ карманъ плаща, и только придя домой и увидя опять въ окнѣ круглую, какъ кочанъ капусты, головку Джульетты, вспомнилъ о покупке. Она что-то жевала и крешки бросала голубямъ, вертѣвшимся на каменной мостовой двора.

— Джульетта!—окликнулъ онъ.—Смотрите, что я купилъ.

Глазены ея загорѣлись.

— Это вы для сестры?—спросила она.

— Нѣтъ не для нея.

— А для кого же?

— Для того, кто первый взойдетъ въ мою мастерскую. Если это будетъ ваша мама...

Онъ не успѣлъ договорить. Головка скрылась изъ окна. Въ два прыжка былъ совершенно перелетъ по двору, застучали башмаки по лѣстницѣ, распахнулась дверь студіи, и красное, возбужденное лицо дѣвочки съ торчащими во все стороны вихрами и двумя рядами сверкающихъ острыхъ зубовъ появилось возлѣ самаго его лица. Ея руки легли къ нему на плечи, и она, вся дрожа отъ ожиданія, могла только сказать:

— Вотъ, я первая.

Онъ еще не успѣлъ положить коралловъ, онъ ихъ держалъ растопыря въ обѣихъ рукахъ. Онъ набросилъ ихъ на Джульетту, она ловко нырнула въ нихъ, охватила его шею руками, крѣпко поцѣловала, опершись своимъ коленнымъ о его коленную, потомъ отпрыгнула, вскочила за дверь, и тотчасъ же раздался ея голосъ на дворѣ:

— Мама! Мама! Посмотри!

Потомъ голосъ зазвучалъ въ домѣ внизу, потомъ во второмъ этажѣ, потомъ на улицѣ. Послышались еще какіе-то голоса, потомъ все смолкло.

Андрей Ивановичъ по природѣ былъ скупъ; по ему было не жалко нѣсколькихъ рублей, брошенныхъ на эту нитку. Онъ зналъ, что этимъ онъ сразу становится въ

пріятельскія отношенія съ семействомъ хозяйки. Онъ ясно не сознавалъ, зачѣмъ ему это надо, такъ какъ никакими демоническими намереніями не задавался, да и вообще умѣлъ держать себя въ рукахъ. Ему рисовалась очень привлекательной мысль привести въ Петербургъ хорошенькую натурщицу-итальянку, которая осталась бы у него завѣдывать хозяйствомъ, но специально добиваться этой цѣли онъ не хотѣлъ. Какъ обстоятельства сложатся, такъ и будетъ. Теперь онъ подкупили младшую сестру, а старшую придется осторожно обходить со всѣхъ сторонъ, чтобы она сама пожелала съ нимъ ѣхать. Ему даже рисовалась картина такъ: обѣ и мать и Инесса—будутъ умолять его, знаменитаго профессора, чтобы онъ взялъ въ далекій, богатый городъ дѣвушку, гдѣ она можетъ составить блестящую карьеру. Но чтобы самъ онъ сдѣлалъ хотя бы шагъ навстрѣчу,—этого никогда нельзя было допустить.

Нитка коралловъ скоро подѣйствовала. Беатриче явилась немедленно въ студию, ведя за юбку Джульетту.

— Синійоръ, это ваше ожерелье?—спросила строго она.

— Было моимъ, а теперь Джульетты,—отвѣтилъ онъ.

— Вы подарили это ребенку?

— Да. Отчего же мнѣ не подарить? Она мнѣ сказала, что никогда не моетъ мою; я подарилъ ей съ условіемъ, чтобы она ежедневно ее мыла.

— Я буду мыться, мама! Буду!—подтвердила дѣвочка.

— Но это слишкомъ дорогая вещь, синійоръ,—стояла на своемъ Беатриче.

— Не для меня, — шутливо похвастался онъ. — Я слишкомъ человѣкъ обезпеченный, чтобы стоило говорить о такихъ пустякахъ. А ребенку это пріятно.

— За это ты должна, Джульетта, — сказала мать: — позировать передъ синійоромъ въ теченіе недѣли бесплатно. Нѣтъ, синійоръ, нѣтъ, не возражайте. Благодарность—лучшее украшеніе для женщины. Вы дарите ей драгоценности, она даритъ вамъ свое время. Однимъ словомъ, я такъ хочу.

Слухъ о щедрости Андрея Ивановича разнесся по всему дому, какъ электрическій токъ. Когда онъ вечеромъ выходилъ на улицу, кухарка—жирная калабрія—ему весело поклонилась, чего прежде никогда не было; очевидно, она ожидала получить отъ него по крайней мѣрѣ стеклянныя серьги.

Андрей Ивановичъ приготовился къ слѣдующему дню. Онъ заказалъ холстъ, купилъ себѣ новый большой мольбертъ, сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ карандашомъ. Длинный хитонъ у него былъ уже давно купленъ: его ему продалъ убѣждающій пансіонеръ за ненадобностью. Онъ хотѣлъ изобразить молодую дѣвушку съ пальмой въ рукахъ, на аренѣ цирка. Потомъ можно будетъ подогнать это изображеніе къ канону какой-нибудь святой, но пока онъ не задавался опредѣленной цѣлью. Въ немъ проснулся художникъ, почти совсѣмъ подавленный церковными заказами. Красота дѣвушки зажгла въ немъ появившуюся искру. Онъ не узнавалъ себя. Что-то всколыхнуло его, заставило подтунуться, почувствовать свою силу. Онъ даже сходилъ въ парикмахерскую постричься, такъ какъ въ немъ даже выпыхнуло чувство извѣстнаго охорашиванья передъ женщиной.

Ночь онъ спалъ плохо, часто просыпался и ждалъ разсвѣта. Онъ нарочно не задергивалъ занавѣсы у оконъ, и когда темное небо стало свѣтлѣть, наливаясь розовой краской и голуби зашевелились на его подоконникѣ, онъ почувствовалъ приливъ радостнаго счастья жизни—и тутъ же заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Проснулся онъ въ половинѣ восьмого отъ стука въ дверь. Это ему несли кофе и яйца. Косой лучъ солнца острой струной протягивался черезъ комнату и игралъ радугой въ граненомъ стаканѣ.

— Синійора Инесса спрашиваетъ, когда начнется сеансъ?—спросила старуха-кухарка.

Онъ сказалъ, что черезъ полчаса, и попросилъ сей-

часъ же убрать его постель. Онъ наскоро, первю позавтракавъ, поставилъ у постели кресло и заслонилъ его ширмами. Отъ ширмъ протянулъ ковровую дорожку, до постаментъ, гдѣ должна была стоять натура. Цвѣточница, которой онъ наканунѣ заказалъ принести цвѣтовъ, принесла цѣлую корзину, и онъ разбросалъ ихъ, гдѣ нашелъ это наряднѣе. Ровно въ восемь опять постучали, и на порогѣ показалась Инесса.

Онъ подошелъ къ ней и пожалъ ей руку. На ней была легкая розовая кофточка и юбка. Смотрѣла она на него спокойно, только ноздри слегка раздувались.

— Очень радъ васъ видѣть, — сказалъ онъ. — Присядьте вотъ сюда въ кресло.

Она сѣла, подняла съ ковра цвѣтокъ и поднесла его къ носу.

— Скажите, васъ утомляютъ сеансы? Сколько времени вы можете позировать?—спросилъ онъ.

— Я привыкла, — низкимъ груднымъ голосомъ сказала она.—Сидѣть я могу спокойно два часа, а стоять около часа. Если я устаю, я не стѣсняясь прошу отдыха.

— Да, да, пожалуйста, — подтвердилъ быстро онъ. — Главное, вы не стѣсняйтесь. Если устали, или закружилась голова, вы сейчасъ же скажите.

Онъ протянулъ ей эскизъ.

— Видите, что мнѣ нужно.

Онъ зашелъ сзади ее, облокотился о спинку кресла и сталъ объяснять. Онъ хотѣлъ, чтобы, когда онъ будетъ писать голову, она сама подсказала ему то выраженіе лица, которое приличествуетъ обстоятельствамъ. Надо, чтобы она чувствовала приближеніе звѣра, но не боялась его, а положила на волю Провидѣнія. Ей это легко будетъ представить, потому что синійора Беатриче говорила вчера, эта Инесса очень религіозна и, какъ истинная католичка, не пропускаетъ ни одной воскресной службы. Поэтому ей не чуждъ религіозный экстазъ, и она можетъ до извѣстной степени воплотить тотъ сюжетъ, который его теперь такъ мучитъ.

Она выслушала его спокойно и сказала:

— Хорошо, синійоръ, я постараюсь.

Онъ сказалъ, что одежды за ширмами. Она встала, положила рисунокъ на столъ, бросила мимоходомъ взглядъ на зеркало и не торопясь пошла за ширмы. Онъ услышалъ, какъ она сбросила съ ногъ туфли, услышалъ шелестъ ея платья и мягкій шумъ кашемироваго широкаго хитона. Онъ задернулъ нижнюю занавѣсъ окна, подвинулъ мольбертъ, открылъ коробку съ углемъ и ждалъ.

Она вышла, оправляя рукава. Хитонъ точно былъ сдѣланъ на нее. Маленькая обнаженная нога выставилась только кончиками пальцевъ, когда она дѣлала шагъ впередъ. Шея была едва открыта, широкіе рукава позволяли видѣть руки до самаго плеча, когда она поднимала ихъ, чтобы распушить передъ зеркаломъ косы. Волосы у нея были не особенно длинные, но густы и черными волнами разсыпались по плечамъ и груди. Лицо отъ этого перемѣнилось, стало еще дѣвственнѣе и строже. Она повернулась къ нему и спросила:

— Такъ?

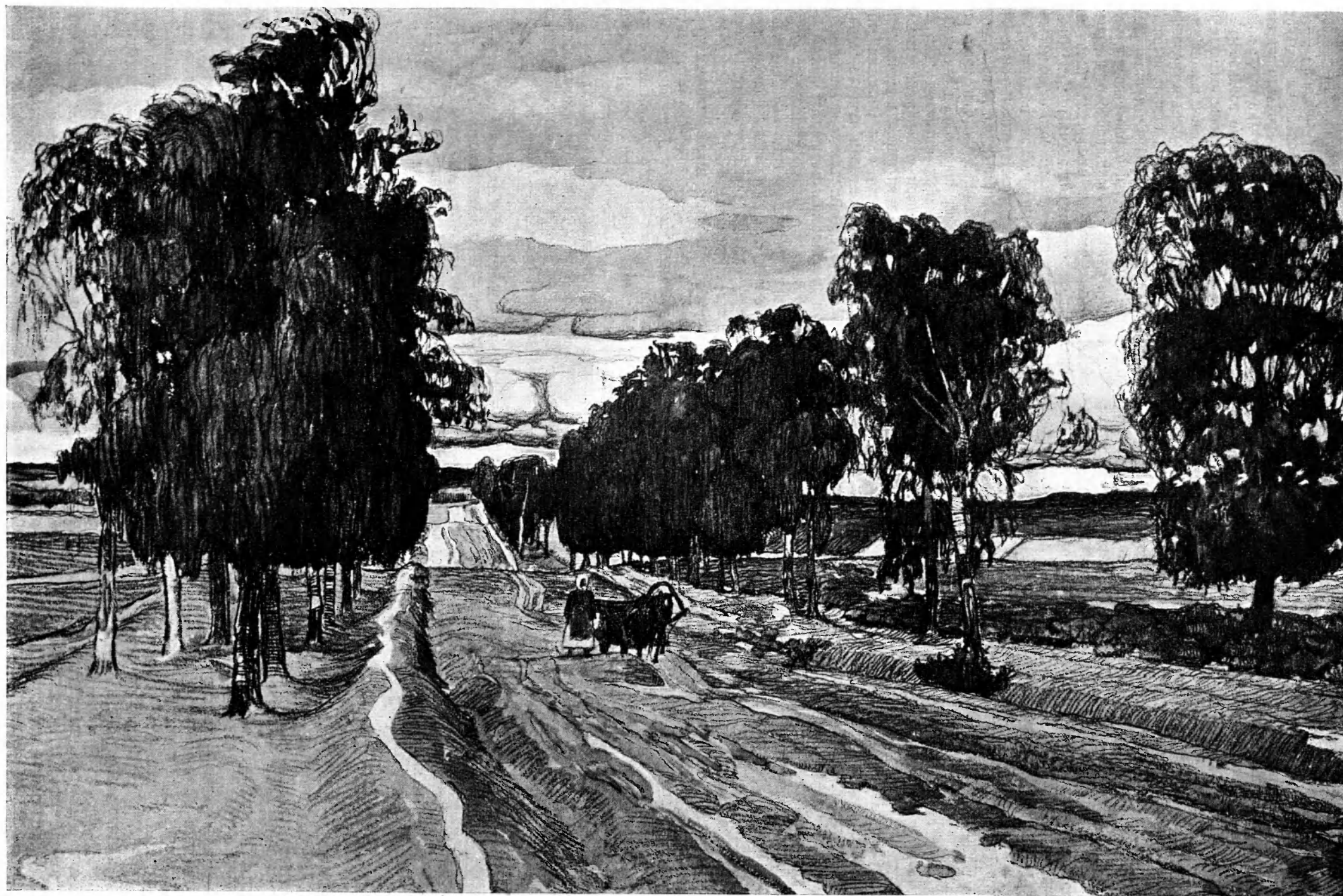
— Такъ,—отвѣтилъ онъ.

Она оперлась о его руку, всходя на постаментъ, онъ вошелъ вслѣдъ за ней, усадилъ ее и сталъ оправлять на хитонѣ складки. Онъ чувствовалъ подъ нимъ ея молодое упругое тѣло, все дышащее юностью, здоровьемъ и югомъ. Онъ видѣлъ положенную на грудь обнаженную руку съ какимъ-то золотистымъ налетомъ не сходящаго загара, и пушкомъ, сплошь покрывшимъ кожу.

— Вы вѣдь генуэзка?—спросилъ онъ.—Въ васъ есть и греческая кровь.

— Можетъ-быть, — равнодушно отвѣтила она и прибавила:—мнѣ удобнѣе такъ держать пальцы.

— Чудесно!—похвалилъ онъ.



Большая дорога. Картина Д. Н. Кардовского. (Выставка Нового Общества Художниковъ), авт. «Нивы».



Ясновидящая. Картина Г. Макса, авт. «Нивы».

Она сошла съ постамента. Она застыла въ данной позѣ. Сеансъ начался.

XX.

Она уже отвыкъ отъ такихъ профессиональных натурщицъ, которыя не шелохнутся ни одной складкой, и какъ мраморъ, неподвижно стоятъ часами. Быстро, смѣло набрасывалъ онъ общій контуръ фигуры, стараясь схватить общій ритмъ позы. Отъ него сразу ушла она, какъ дѣвушка, дочь хозяйки, какъ Инесса, которая заставила его подстричь покороче бороду. Передъ нимъ была христіанская мученица — и только. По привычкѣ не братья за кисть, пока не вырисовано лицо до малѣйшей подробности краснымъ углемъ, онъ не трогалъ красокъ. Онъ молчалъ, глаза его горѣли, онъ то отходилъ, то подходилъ къ холсту, то измѣрялъ рейсфедеромъ разстояніе, кажущееся глазу невѣрнымъ, для чего далеко вытягивалъ руку, шурля одинъ глазъ и провѣрять контуры по отвѣсу. Академическій опытъ долгихъ лѣтъ сказался: работалъ онъ увѣренно, съ приемами натасканнаго техника, легко преодолюющаго всѣ трудности рисунка. Когда стѣнные часы простучали девять, онъ съ изумленіемъ остановился.

— Какъ? прошелъ часъ? — спросилъ онъ.

Она шелохнулась.

— Да, — сказала она. — И потому десять минутъ антракта.

Она легко прыгнула на полъ, надѣла туфли и пошла къ мольберту.

— Что скажете? — спросилъ онъ.

— У меня носъ длиннѣе, — подумавъ, сказала она.

— Я вѣдь рисую не портретъ, — возразилъ онъ. — Я беру съ натуры только то, что мнѣ нужно. Да и носъ въ ракурсѣ.

— За ракурсъ прячетесь вы всѣ. Какъ что неудается, такъ сейчасъ ракурсъ.

Онъ всыхнулъ.

— По-вашему, это неудачно?

— Нѣтъ, хорошо, но непохоже. А я признаю только точное сходство съ натурой. Я вообще всей старой школы не люблю. Мнѣ никто не нравится изъ старыхъ художниковъ.

— А Рафаэль? — съ ужасомъ выпячивая глаза, спросилъ онъ.

— Да, и Рафаэль. Для Мадоннъ его картины не идеальны, а дѣвушекъ такихъ нѣтъ.

— А что же вамъ надо?

— Портреты старые люблю, живыхъ людей. Я стою передъ ними, смотрю и думаю. Вотъ были люди и нѣтъ ихъ. Такъ же они думали, ѣли, пили, какъ мы. И вотъ нѣтъ ихъ, но я ихъ чувствую, я ихъ понимаю, и они меня понимаютъ. Есть такіе старые старички въ тусклыхъ рамахъ. Если-бъ они были живы, имъ было бы лѣтъ триста. Потомъ дамы въ шелковыхъ штофныхъ платьяхъ съ вѣрами. Я ихъ тоже люблю. А вотъ эти статуи въ Ватиканѣ, это совсѣмъ скучно, потому что онѣ бѣлыя и безглазныя. Богъ съ ними.

— Однако, вы и разсуждаете! — удивился Андрей Ивановичъ.

— Я говорила это Шмидту, — продолжала она: — вотъ тому, что здѣсь въ студіи жить до васъ. Я ему говорила, если-бъ я была художникомъ, я бы нарисовала окно, на окнѣ цвѣты, а за окномъ теплый весенній день. Потомъ я бы нарисовала пѣмку, что живетъ здѣсь на углу, жену художника Вагнера. Она блѣдная-блѣдная, волосы у нея свѣтло-золотистые, а глаза какъ аметисты. Шейка у нея какъ у птички — тоненькая и прямая. Если ей на голову надѣть золотой обручъ, это будетъ я не знаю что такое, но будетъ что-то очень хорошее, такое приятное, странное, какъ сказка. Когда я ее встрѣчаю, я всегда вспоминаю что-то такое очень милое, забытое, и не могу вспомнить. Поэтому было бы такъ хорошо, если-бъ ее нарисовать въ профиль. А мужъ ея рисуетъ

ее вакханкой, и ничего не выходитъ, да и вообще зачѣмъ рисовать вакханокъ, когда ихъ нѣтъ?

Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на нее все также раскрывъ глаза.

— Ну, а потомъ, что бы вы еще написали? — подзадорилъ онъ.

— А потомъ, я бы написала грозу, ночь и черныя развалины. Башни черныя, и людей, которые куда-то идутъ, куда — неизвестно куда и зачѣмъ, — чтобы страшно было. Чтобы когда кто посмотрѣлъ, чтобы ему стало жутко. Потомъ написала бы туманъ въ горахъ. Когда мы ѣхали изъ Флоренціи сюда, мы въ горахъ видѣли туманъ. И скалы утромъ въ этомъ туманѣ плаваютъ. То покажутся, то спрячутся, какъ великаны.

— Такъ вѣдь я не пейзажистъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Художникъ все долженъ уметь, — не унималась она: — и портреты, и пейзажъ, все.

— Ну, этого не бываетъ. А вы строгая и смѣлая. Это хорошо.

— Нѣтъ, это не хорошо, — возразила она.

— Отчего?

— Мнѣ счастья въ жизни не будетъ. Я все своимъ языкомъ напорчу. Я всѣмъ художникамъ, что съ меня писали, говорила, что они совсѣмъ не то дѣлаютъ, и что совсѣмъ этого ничего не надо. Вы знаете, мнѣ два художника сдѣлали предложеніе, то-есть, они хотѣли жениться на мнѣ. Но потомъ, когда мы чаще начали видѣться и говорить, то они стали меня бояться и отказались. И оба они говорили одно и то же: что такой жены, какъ я, нельзя держать въ домѣ.

— Отчего же?

— Оттого, что я буду разговаривать и осуждать. А женщина должна молчать и варить макароны.

— Развѣ только? А мы, русскіе любимъ, когда женщина равноправная намъ.

Она съ удивленіемъ подняла на него свои черныя глаза.

— Неправда! — сказала она: — такого мужчины не существуетъ. Мужчина всегда хочетъ быть царемъ, потому что его мускулы крѣпче. А мускулы всегда больше цѣнятся въ жизни, чѣмъ душа.

Андрею Ивановичу стало весело.

— Откуда у васъ это все! Кто васъ развивалъ?

— Меня никто не развивалъ; я сама все вижу и знаю.

— Отчего вы никогда не улыбаетесь?

— Чего мнѣ улыбаться?

— Развѣ скучно жить?

— Скучно. Я не люблю жизни. Я хотѣла бы умереть.

— Одна сестра хочетъ умереть, другая — пойти въ монастырь.

— Ну, Джульетта — ребенокъ, болтаетъ, что въ голову придетъ. А вы скажите, что хорошаго въ жизни? Все одно и то же. Вѣчно одно небо, одно солнце. Осенью и зимой холода, лѣтомъ — жары. На улицахъ кричатъ разносчики, бѣгаютъ собаки, на колокольняхъ звонятъ колокола.

— А выйдете замужъ?

— Тогда больше буду на кухнѣ, чѣмъ теперь; буду купать дѣтей и зашивать платья мужу.

— А если выйдете за богатаго?

— Тогда буду смотрѣть на стѣну и въ потолокъ, да разъ въ день кататься по Корсо. Я не люблю Рима.

— Хотите ѣхать въ Петербургъ?

— Чѣмъ же онъ лучше?

— Лучше, не лучше, а чище. Тамъ рѣка огромная, широкая, — не мутно-зеленая какъ Тиберъ, а свѣтло-синяя, лазурная. Зимой тамъ все опущено снѣгомъ, и рѣка эта покрыта льдомъ, а на льду стоитъ палатка изъ оленьихъ шкуръ и самоѣды-язычники бѣдятъ на рогастьхъ оленьихъ, и за поль-иры катаютъ кого хотятъ. А лѣтомъ тамъ солнце почти не заходитъ, и въ полночь небо ро-

зовое и золотое, какъ послѣ заката, и два мѣсяца нѣтъ совсѣмъ сумерекъ.

— Какъ въ сказкѣ!—сказала задумчиво она.

— Это городъ гранита, — продолжалъ онъ. — Тамъ огромные соборы, съ цѣлымъ лѣсомъ гранитныхъ колоннъ и бронзовыми фронтонами. Тамъ безконечные мосты, тамъ огромныя площади, на которыхъ умѣстятся десять ваннхъ форумовъ. Тамъ на Рождествѣ хрустить снѣгъ, и сверкастъ миллионами искръ, и въ каждомъ домѣ горять бѣлки. Тамъ граница, тамъ конецъ Европы, а далѣе, къ сѣверу, идетъ уже совсѣмъ сказочная страна Финляндія—съ прозрачными, какъ стекло, озерами, тихими лѣсами безъ птицъ и безъ лѣня, съ бѣлыми почвами и огромными рѣками, лѣнящимися среди гранитныхъ береговъ.

— Что же... я поѣхала бы туда, — проговорила она. Потомъ вздрогнула, повела плечомъ и прибавила: — Пора работать.

Она опять стала на свое мѣсто. Онъ взялся за краски. Они молчали, но... дѣло не спорилось. Она разсѣяннымъ взглядомъ смотрѣла вдаль. Онъ боязливо и осторожно пробовалъ тона красокъ. Изъ открытаго окна вдругъ сыръгнула къ нимъ кошка. Они разсмѣялись, но не сказали ни слова.

Дверь отворилась, а въ комнату скользнула Джульетта. Она, по обыкновенію, что-то жевала.

— Ты зачѣмъ?—спросила сестра.

— Меня мама послала наблюдать за тобою, — сказала дѣвочка: — чтобъ ты не цѣловалась съ художникомъ.

— Экій вздоръ!—сквозь зубы сказала Инесса.

Джульетта была на скамеечку и стала смотрѣть, какъ работаетъ Андрей Ивановичъ.

— Нарисуйте благовѣщеніе, — вдругъ сказала она. — Сестрица очень хочетъ, чтобъ кто-нибудь написалъ съ нея Дѣву-Марію. А меня ангеломъ поставьте на колѣна. Я буду говорить: «благословенъ плодъ чрева твоего».

— Перестань врать! — остановила ее сестра.

— Инесса хочетъ, — продолжала Джульетта, не слушая: — выйти замужъ за знаменитаго художника. Она говорила, что хочетъ поѣхать въ Америку, и тамъ охотиться за дикими лошадьми. Ей рассказывали много объ Америкѣ, и о томъ, какъ тамъ живутъ американки, поэтому ей непременно хочется туда уѣхать. Но это все пустяки, а вотъ главное. Мама отпускаетъ насъ втроемъ въ воскресенье послѣ обѣдни гулять. Мы поѣдемъ куда-нибудь, снѣйоръ Андреа, не правда ли? Вы насъ угостите обѣдомъ съ виномъ, потомъ купите по коробкѣ конфетъ, и будете ухаживать за нами обѣими? Мамѣ хочется остаться вдвоемъ съ папскимъ гвардейцемъ, который ходитъ къ намъ по праздникамъ.

— Это изъ рукъ вонъ! — закричала Инесса. — Я сейчасъ передамъ мамѣ то, что ты здѣсь говоришь, и она не только не пуститъ тебя съ нами въ воскресенье, но запретъ въ чуланъ, гдѣ крысы и пауки, на цѣлую ночь.

— Никогда она не запретъ, потому что ты никогда ей ничего не скажешь! — смѣясь возразила Джульетта. — А въ воскресенье ты надѣнешь свое розовое платье, возьмешь палевый зонтикъ, надѣнешь перчатки, а я буду въ бѣломъ платьѣ съ кружевами, и мы поѣдемъ въ Тиволи или я не знаю куда, — куда захочетъ маэстро. Такъ вѣдь, снѣйоръ Андреа? Такъ!

— Отъ нея надо записаться какъ отъ чумы, — пробормотала сестра. — Я рѣшительно не могу при ней пошрывать.

— Я молчу! молчу! — закричала Джульетта, и схвативъ за переднія лапы кошку, стала съ нею танцевать среди студіи тарантеллу.

XXI.

Воскресенье они, точно, провели втроемъ. Инесса попрежнему была строга и останавливала сестру, когда шутки ея выходили изъ предѣловъ благопристойности, а это происходило черезъ каждыя пять минутъ. Они обѣ-

дали за городомъ, въ плохенькомъ ресторанчикѣ, гдѣ все время играли на скрипкахъ бродячіе нищие, и подкутившая компанія французскихъ художниковъ пѣла марсельезу. Джульетта все спрашивала Андрея Ивановича:

— Что же вы намъ подарите?

Онъ шутить, говорилъ, что Инессѣ подаритъ Ватиканъ, а ей соборъ святаго Петра. Но Джульетта не любила такихъ шутокъ. Она требовала, чтобъ онъ перешелъ на болѣе реальную почву. Тогда онъ сказалъ, чтобы сестры сами назначили, что онѣ хотятъ.

— Я хочу шелку на платье! — сказала Джульетта.

— Хорошо, я вамъ подарю бѣлаго атласа на ваше вѣнчальное платье, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Вы получите этотъ подарокъ въ день моего отъѣзда изъ Италіи. И когда вы будете выходить замужъ, то въ день вѣнчанія, стоя на колѣняхъ передъ патеромъ, вспомните, что на далекомъ сѣверѣ живетъ въ холодѣ и туманѣ художникъ, который сдѣлалъ вамъ этотъ подарокъ.

Джульетта вдругъ надула губы и перестала разговаривать.

— А вы, Инесса, что хотите отъ меня? — спросилъ онъ.

— Вы мнѣ подарите револьверъ, или книжаль, — сказала она.

— Зачѣмъ?

— На память. Я тоже вспомню васъ въ ту минуту, когда пушу себѣ пулю въ сердце, или разрублю книжалью себѣ грудь.

— Я совсѣмъ не хочу давать вамъ въ руки такое оружіе, — сказалъ онъ. — Если-бъ у васъ былъ револьверъ, я бы укралъ его.

— Люди — очень смѣшныя существа, — сказала Инесса. — Они думаютъ, что убить себя можно только выстрѣломъ изъ револьвера или ударомъ книжала. А между тѣмъ гораздо проще выпить напатырнаго спирта или броситься съ четвертаго этажа внизъ головой.

— Вы знаете, сестрица уже разъ топилась, — проговорила Джульетта.

— Да неужели? — смѣясь спросилъ онъ, думая, что она шутитъ.

— Она ночью прыгнула съ моста въ Тибръ. Ей было тогда четырнадцать лѣтъ. Но ее замѣтили съ лодокъ и вытащили. Она была влюблена въ испанскаго художника Хозе, и хотѣла утопиться отъ несчастной любви...

— Что она рассказываетъ, mademoiselle Инесса? — спросилъ онъ.

— Она говоритъ правду, — холодно отозвалась Инесса. — Только я совсѣмъ не была влюблена въ него, а просто держала съ нимъ пари: онъ говорилъ, что я не рѣшусь броситься, а я говорила, что для меня не существуетъ ничего, передъ чѣмъ я могла бы задуматься. Я пари выиграла.

— Но рисковали утонуть?

— Не знаю.

— Вы умѣете плавать?

— Нѣтъ. Даже понятія не имѣю.

— Но не забудьте, — подхватила Джульетта: — что донъ Хозе долженъ былъ жениться на австрійской герцогинѣ, и Инесса продѣлала все это изъ ревности. У нея подъ подушкой была карточка Хозе, и она до того ее цѣловала, что губами протерла портретъ до дырки.

Къ вечеру они трое воротились домой. Гвардеецъ еще сидѣлъ у снѣйоры Беатриче, молчалъ и радостно улыбался во весь ротъ. Пронеходило это, вѣроятно, отъ того, что онъ былъ жестоко пьянъ, поглотивъ невѣроятное количество вина въ теченіе дня. Сама Беатриче тоже была очень весела. Она встрѣтила дочерей радостными криками, представила гвардейца Андрею Ивановичу какъ лучшаго друга дома, единственнаго мужчину, на котораго она можетъ опереться въ случаѣ несчастія. Потомъ она отвела жильца въ уголъ и серьезно начала ему говорить, что она совершенно въ немъ увѣрена, и считаетъ его за честнѣйшаго человѣка: иначе она бы не отпустила

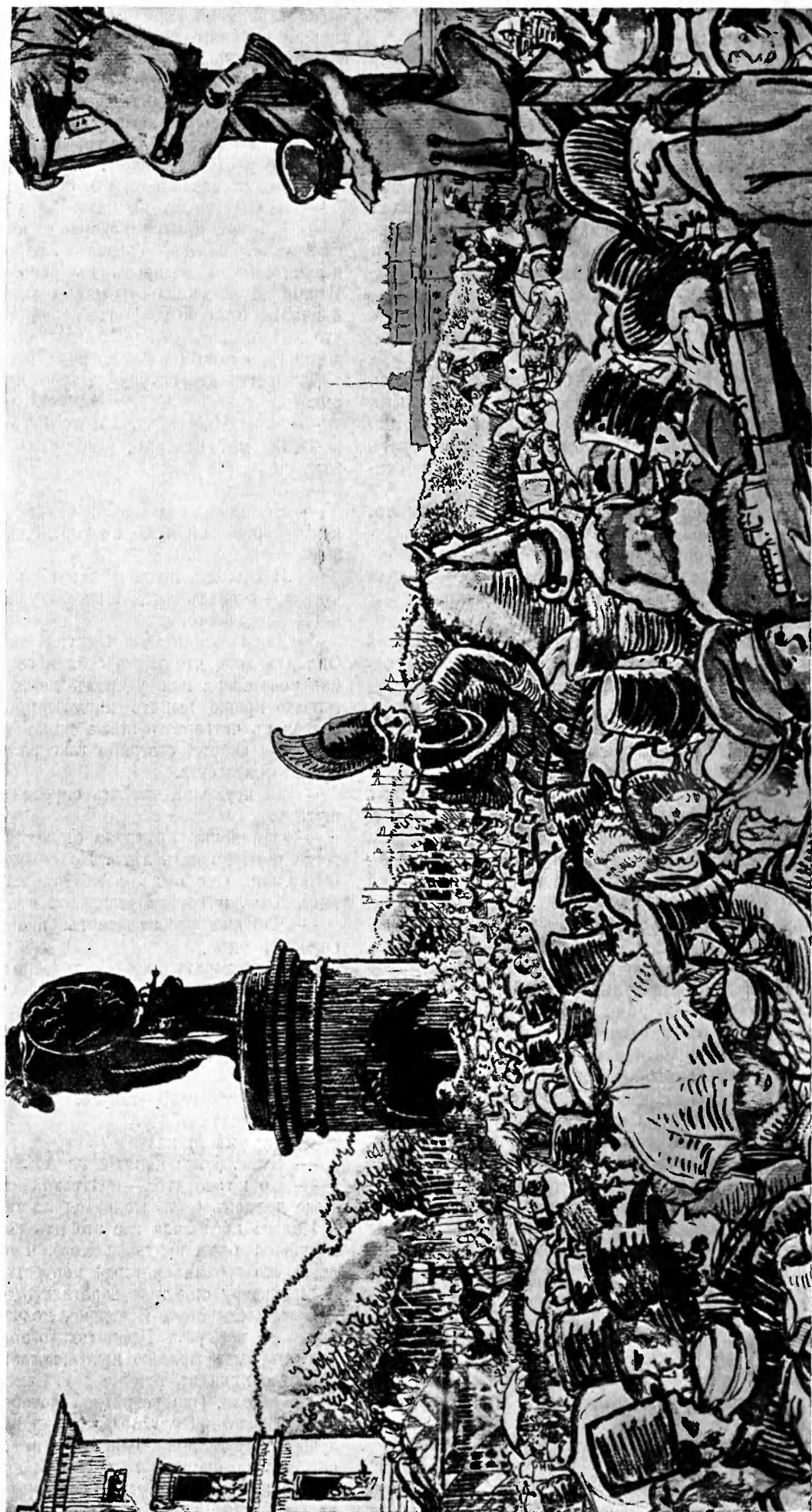
съ нимъ двухъ дѣвушекъ. Она знала одного англичанина, очень богатаго человека, такъ съ нимъ она бы ни за что не отпустила дочерей. Потомъ она просила его и гвардейца вынуть послѣднюю бутылочку. Больше она просить не будетъ. Она врагъ пьянства. Особенно она ненавидитъ вино послѣ несчастной кончины ея мужа, которая и произошла именно отъ этого проклятаго напитка. Но разъ въ недѣлю, въ воскресенье выпить лишній стаканъ, это она понимаетъ.

Вино оказалось кислымъ и жидкимъ. Гвардеецъ пилъ его, какъ воду. Андрей Ивановичъ чокнулся съ нимъ и со вдовою. Послѣдніе лучи солнца упали на стѣну и заиграли золотыми пятнами на старомъ шкану.

— О, этотъ шканъ, — сказала синьора Беатриче: — его купилъ мой мужъ на другой день послѣ перѣзда въ Римъ. Я не могу безъ слезъ его видѣть. Все мнѣ, все о немъ напоминаетъ.

Она заплакала, и крѣпко пожала руку гвардейцу.

(Продолженіе будетъ).



„Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей“...

Рисунокъ А. Н. Бенуа къ поэму «Мѣдный всадникъ» А. С. Пушкина. (Выставка картинъ Союза Русскихъ Художниковъ), авт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.



Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

XV. Два слова о русскомъ солдатѣ.

Такъ кончился мукденскій бой, безпримѣрный въ исторіи современныхъ войнъ.

Въ тѣхъ людяхъ, которые были близкими участниками и свидѣтелями его, онъ оставилъ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Время стираетъ испытанія горя, смерти близкихъ, жизненные удары, но не въ состояніи изгладить потрясающихъ впечатлѣній грандіозной исторической драмы у тѣхъ, которые были въ ней дѣйствующими лицами. Съ обыденной жизненной драмой ее сравнить нельзя. Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе личнаго горя или радости человѣка, онъ все-таки видитъ, что на окружающихъ это не отражается. Тутъ совершенно различные масштабы. Насколько страшна для человѣка въ обыденной жизни смерть, настолько легко и просто въ бою онъ рискуетъ и жертвуетъ ею, настолько легко, что потомъ объ этомъ вспоминалось съ невольнымъ трепетомъ. Простой немудреный человѣкъ становится героемъ, показывая примѣры необычайной храбрости и самопожертвованія.

Сообразно съ этими масштабами и сила впечатлѣній. Отъ этихъ впечатлѣній юности становились мужчинами. Люди среднихъ лѣтъ дѣлались стариками, въ нѣсколько дней сдѣлали, сходили съ ума...

Послѣдній бой, завершившій годъ войны, многимъ открылъ глаза на причины ряда неудачъ, на прошлые ошибки. Но все это можетъ быть исправлено, и для этого уже многое сдѣлано. Есть вопросъ гораздо болѣе важный, который никогда прежде не подымался, и въ первый разъ о немъ заговорили въ эту кампанію. А именно, — можетъ ли русская армія, какъ массовая сила, какъ часть своего народа, бороться съ серьезнымъ противникомъ? Или, проще говоря, высокъ ли по своимъ личнымъ качествамъ русскій солдатъ?

Объ этомъ въ печати проскользнули замѣтки и мысли какъ бы мимоходомъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ, хотя и въ двадцатомъ вѣкѣ, но въ то время, когда кругомъ націи вооружаются, какъ говорится, до зубовъ, является весьма существеннымъ.

Какой-то обозрѣватель въ иностранной газетѣ коротко и ясно объявилъ, что теперь нѣтъ сомнѣній, что русскій солдатъ ниже по качествамъ японскаго солдата.

Подобныя же мнѣнія проскользнули даже въ русской печати. Ничего нѣтъ легче, конечно, взять чистый листъ бумаги и бѣглымъ почеркомъ изобразить на немъ то, что придетъ въ голову. Но гораздо труднѣе и даже нѣсколько опасно идти подъ пули и посмотрѣть, какъ солдатики идутъ впереди, какъ и отчего они идутъ назадъ, да хорошенько присмотрѣться къ нимъ въ этой несприятной обстановкѣ.

Помимо подобныхъ опытовъ, судить о боевомъ качествѣ солдата, мнѣ кажется, не только трудно, но положительно невозможно.

Я позволю себѣ высказать свое убѣжденное и рѣшительное мнѣніе.

Я не буду говорить, что русскій солдатъ по своимъ боевымъ качествамъ равенъ японскому солдату, а прямо скажу, что онъ гораздо выше его въ этомъ отношеніи.

Начнемъ съ того, что въ періоды затишій, между большими боями, какъ, напримѣръ, на шахейскихъ позиціяхъ, когда дѣйствовали небольшія охотничьи команды, онъ въ своихъ малыхъ операціяхъ былъ всегда выше такихъ же японскихъ командъ. Поиски нашихъ охотниковъ были всегда смѣлые, отличались инициативой, и результаты ихъ были всегда блестящіе.

Служба пограничниковъ по охранѣ дороги, это — рядъ единичныхъ подвиговъ русскаго солдата. Кто мѣшалъ японцамъ провести черезъ Монголію небольшія команды для разрушенія нашихъ колоссальныхъ мостовъ? Взорвать мостъ или поджечь складъ — дѣло нѣсколькихъ минутъ, и это мы блистательно доказали при нашихъ отступленіяхъ. И японцы проводили такіе отряды, передѣвали солдатъ бонзами, снабжали ихъ пироксилиновыми шашками, посылали для этихъ цѣлей специалистовъ — офицеровъ генеральнаго штаба, а въ результатъ — ни одного серьезнаго поврежденія пути, потому что единичная инициатива и отвага японца сталкивалась съ тѣми же качествами русскаго солдата-пограничника. Охрана безконечной линіи желѣзной дороги, отъ порчи которой мы могли бы имѣть очень большія за-



Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».



Отступившія войска въ Телинѣ на линіи.

По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Труднения, является хотя и незамѣтной, но громадной заслугой пограничной стражи.

Подъ Мукденомъ я видѣлъ сотни солдатъ, уходившихъ изъ боя подъ разными предлогами и сидѣвшихъ за заборами. Иначе и не можетъ быть въ арміи, цѣлый годъ воспитанной на отступленіяхъ. Положимъ, это было стратегическое отступленіе, обдуманное и предусмотрѣнное по всѣмъ правиламъ кабинетной науки, но въ концѣ концовъ обнаружилось и отрицательные его результаты. Какъ ни стремятся превратить солдата въ машину, онъ все-таки остается человѣкомъ. Для солдата слово «стратегическое» не существовало, и онъ зналъ только одно слово «отступленіе». Въ послѣднихъ бояхъ между солдатами въ своемъ кругу все чаще и чаще разбирался вопросъ: «куда будемъ отступать?».

Подъ Вафангоу (вторымъ) артиллеристы теряли орудія, но кто-жъ виноватъ, что батареи ставились на гребняхъ сопки въ видѣ мишеней? Подъ Ташичао артиллерія была поставлена толково и работала такъ, какъ никогда не работала японская. Тогда не было ни сомнѣвающихъ, ни трусовъ, и когда приказано было по стратегическимъ соображеніямъ отступить, солдаты оставляли позицію съ большою неохотой.

Въ первомъ бою подъ Вафангоу 17-го мая, гдѣ не было ни стратегии, ни тактики, а просто была драка русскихъ солдатъ съ японскими — наши казачьи искрошили два японскихъ эскадрона и нагнали на нихъ такого страха, что въ японскихъ газетахъ совершенно серьезно говорили, что такими большими пиками нельзя драться. У нихъ сабли коротенькія, а казачьи, «эти нахалы», наскочили на нихъ со своими полторасаженными пиками и всѣхъ перекололо. Это безсовѣстно и даже жестоко.

Какъ извѣстно, подъ Вафангоу было два боя: первый удачный, а второй неудачный. Въ первомъ командовалъ генералъ Самсоновъ, а во второмъ генералъ Штакельбергъ.

Японскіе начальники сдѣлали японскаго солдата героемъ. Они восприняли у нашего же военнаго учителя Суворова основныя принципы: «смѣлость, быстрота и натискъ», — которые, къ сожалѣнію, у насъ оказались забытыми, — и сдѣлали свою армію страшной и побѣдоносной.

Тѣхъ же японцевъ, которыхъ въ началѣ кампаніи называли *японками* и *макаками* съ отѣнкомъ презрительной проны, въ послѣднее время уже перестали такъ называть.

Подъ Янтаемъ полки 54-й дивизіи навлекли на себя всеобщія нареканія. Говорили, что эти полки нигуда не годятся, а когда одинъ изъ этихъ же полковъ получилъ другаго начальника, то сталъ образцовымъ и въ бояхъ былъ вперед.

Нашъ солдатъ тѣмъ и хорошъ, что онъ всецѣло преданъ своему начальнику, если тотъ, конечно, умѣетъ внушить къ себѣ довѣріе и любовь. Его не нужно подбуждать ни патріотическими идеями, ни ханшинами, какъ японскаго солдата, а достаточно, чтобы онъ вѣрилъ въ своего начальника. Но такъ какъ начальники бываютъ разные, то и полки у насъ разные.

На Путиловской сопкѣ генералъ Путиловъ ежедневно угощалъ своихъ солдатъ водкой, самъ наливалъ и самъ раздавалъ. Къ солдатамъ онъ былъ близокъ, какъ товарищъ, короче сказать, этотъ генералъ былъ солдатомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, чѣмъ и долженъ быть въ сущности каждый военачальникъ.

Какъ ни возводить военное дѣло въ науку, оно все-таки остается и навсегда останется колоссальной дракой, и побѣдителями будутъ всегда тѣ полководцы, у которыхъ больше «смѣлости, быстроты и натиска». А одной стратегіей можно будетъ побѣждать тогда, когда

поля битвы разграфятъ наподобіе шахматныхъ досокъ, а солдатъ превратятъ въ пѣшки.

Въ 19-мъ полку на Путиловской сопкѣ не было ни одного плохого солдата, ни одного плохого офицера. Смѣлыя отчаянныя выходки стали у нихъ чѣмъ-то въ родѣ спорта. Во время адекой канонады солдаты съ котелками выходили на гребень сопки и, сидя тамъ, обѣдали. На мои вопросы они отвѣчали, что дѣлаютъ это для того, «чтобы доказать». Каждый день вызывались охотники идти въ полянку за передовой линіей и передъ непріятельскими окопами набрать соломы или просто прогуляться подъ выстрѣлами. И сдѣлавшій это безконечно доволенъ былъ, что онъ «доказалъ на практикѣ».

Любимымъ занятіемъ у нихъ было также развѣшивать для сушки бѣлье на проволоочныхъ загражденіяхъ, по которымъ японцы сейчасъ же открывали огонь.

Со мной на Путиловскую сопку ѣздилъ солдатъ изъ транспортной команды. Я его считалъ отъявленнымъ трусомъ. Слыша за 12 верстъ канонаду, онъ уже приходилъ въ грустное настроеніе и говорилъ:

— Все палить и палить, Господи помилуй.

— Какой же ты солдатъ, если боишься выстрѣловъ, — замѣчалъ я ему.

— Какой же я солдатъ — я транспортный...

— Погоди, это только издали такъ страшно.

Въ первый разъ я его послалъ пообѣдать съ солдатами на сопку. Во второй разъ онъ прогулялся въ окопы. Посмотрѣлъ онъ на жизнь 19-го полка, на отношенія генерала Путилова къ солдатамъ, и все это произвело въ немъ сильную перемѣну.

Онъ уже самъ сталъ проситься сопровождать меня на сопку. Въ послѣднюю поѣздку онъ признался мнѣ, что у него «сердце пламенно горитъ получить Георгія».

Скоро ему удалось перевестись въ пѣхотный полкъ.

Пословица «на міру и смерть красна» нигдѣ не примѣнима такъ, какъ въ бою. До русскаго солдата

не коснулись понятія о чувствѣ самосохраненія, о болѣзняхъ воли и т. п. Онъ если и подчиняется, то, согласно своимъ несложнымъ взглядамъ, или строгости начальника, или его обаянію, если онъ популяренъ. Это второе подчиненіе гораздо прочнѣе перваго. Наконецъ, третій видъ подчиненія — это чувство честолюбія, и такихъ очень много. Ихъ девизъ: «либо георгиевскій крестъ — либо деревня».

И каждый русскій солдатъ, идущій въ бой, готовъ къ смерти. Это не дикій фанатизмъ японцевъ, а покорное ожиданіе своего конца.

Атаки японцевъ стремительны. Они идутъ густыми нѣблями. Наши наоборотъ нѣсколько флегматичны, спокойны, но болѣе увѣренны.

У насъ много пѣльныхъ, что всегда бываетъ при отступленіяхъ и неудачахъ, но у насъ не было добровольныхъ перебѣжчиковъ, какихъ очень много пошло къ намъ со стороны японцевъ.

Побѣги японскихъ пѣльныхъ весьма рѣдки, но побѣги нашихъ изъ японскаго плѣна очень часты.

При своихъ частичныхъ отступленіяхъ японцы были такъ же стремительны, какъ и въ атакахъ, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что при первой же нашей удачѣ и отступленіи японцевъ у нихъ можетъ развиваться паника въ очень широкихъ размѣрахъ.

Но можно безконечно собирать наблюденія, и они все-таки будутъ не полны, если не послушать мнѣнія того же самаго русскаго солдата, котораго сравниваютъ съ японскимъ солдатомъ, съ которымъ онъ сталкивался грудъ съ грудью и навѣрно лучше всѣхъ успѣлъ уже узнать его.

Пусть не удивляются, что вопросъ объ этомъ сравненіи для скромнаго русскаго солдата покажется обиднымъ.

При всей своей простотѣ, онъ отлично понимаетъ, что сила



Предсѣдатель ком. полк. Орскаго полка Г. Загоскинъ, члены: прапорщ. того же полка В. Власовъ, поручикъ Александровскаго полка М. Ассь, предсѣдатель полевого контроля контролеръ-Мамаевъ, китайскіе чиновники особыхъ порученій при мукденскомъ дѣзнѣ-дзюнъ Сун-тэн-бяо и Ма-жэн-изі, переводчикъ, конвой и бой (слуги-китайцы). Западная коммиссія по возмѣщенію убытковъ китайскому населенію при Россійскомъ военномъ комиссарѣ. По фот. авт. «Нивы».

японцевъ въ обходныхъ движеніяхъ, связи между частями, взаимной поддержкѣ, быстротѣ передвиженій, въ умѣнїи въ данномъ мѣстѣ быть всегда сильнѣ насъ. Онъ отлично знаетъ, что всѣ эти дѣйствія зависятъ не отъ солдата, отъ которыхъ, какъ и отъ него, требуется только подрататься съ врагомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поставили.

Но тамъ, гдѣ дѣло зависитъ отъ самихъ солдатъ въ мелкихъ поискахъ, разбѣдахъ, у нихъ оцѣнка японскаго солдата опредѣлилась очень точно. При равныхъ силахъ, въ этихъ случаяхъ охотники дѣйствуютъ съ полной увѣренностью на успѣхъ и никогда не ошибаются.

— Кто же ихъ и научилъ-то воевать?.. Мы же научили...—говорили мнѣ часто солдаты.

Дѣйствительно, японцы, прекрасно подготовленные въ отношеніи военной администраціи и имѣя талантливыхъ и воспримчивыхъ

Возмѣщеніе военныхъ убытковъ китайцамъ.

(Съ 2 рис. на стр. 450 и 451).

Война, которую мы ведемъ съ японцами, вызываетъ огромное количество особыхъ, совершенно своеобразныхъ расходовъ — за вредъ и убытки, нанесенные военными дѣйствіями мирному китайскому населенію.

Въ силу того обстоятельства, что мы воюемъ не на своей и не на японской территоріи, а на территоріи, такъ сказать, «третьихъ лицъ», намъ приходится на каждомъ шагѣ платить этимъ «третьимъ лицамъ» довольно изрядныя суммы за всякій ущербъ, вызванный военными надобностями. И нужно сказать правду, китайцы порядочно наживаются за счетъ войны, и кровавая трагедія русско-японскаго столкновенія сплошь и рядомъ превращается



На родномъ пепелищѣ. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

начальниковъ, многое переняли отъ насъ: волчьи ямы, проволочныя загражденія, окопы большой профили, землянки, штыковые атаки. Но, къ сожалѣнію, не переняли нашей медленности и нерѣшительности.

А видѣть всѣ наши сооруженія они могли очень легко, такъ какъ шли по нашимъ пятамъ.

Такимъ образомъ молодая, безъ историческаго прошлаго, армія, воюя съ арміей опытной, имѣющей боевую славу, у нея же училась побѣждать.

Это не первый примѣръ въ исторіи, если вспомнить нашу войну со шведами.

Разница только въ томъ, что императоръ Мутсухито не Петръ Великій, а Мукденъ не Полтава.

Будемъ же вѣрить въ русскаго солдата, покуда онъ самъ въ себя вѣритъ, и вмѣстѣ съ лучшими начальниками, близко къ нему стоящими и знающими его, скажемъ, что съ нимъ можно воевать и можно и должно побѣдить.

Харбинъ,
26-го апрѣля.

В. Табуринъ.

для нихъ въ источникъ обогащенія. Такъ, впрочемъ, всегда бываетъ: «Duobus litigantibus tertius gaudet» — когда двое враждуютъ—третій радуется!..

Для возмѣщенія ущерба китайскому населенію Мукденской провинціи учреждены при руссѣйскомъ военномъ комиссарѣ этой провинціи двѣ спеціальныя комиссіи: одна изъ нихъ дѣйствуетъ въ восточномъ районѣ Мукденской провинціи, другая въ западномъ (къ востоку и къ западу отъ Мандаринской дороги).

Въ составъ каждой комиссіи входятъ слѣдующія лица: штабъ-офицеръ (предсѣдатель), два оберъ-офицера и чиновникъ отъ полевого контролі. Кроме того, со стороны китайцевъ въ комиссіи присутствуютъ, на правахъ членовъ и въ качествѣ представителей мукденскаго дзинъ-дзюня, два китайскихъ чиновника или офицера.

Всѣ прошенія китайцевъ о потравахъ и другихъ убыткахъ, причиненныхъ нашими войсками, поступаютъ къ военному комиссару и, по переводѣ ихъ на русскій языкъ, передаются въ комиссію. Въ прошеніяхъ этихъ китайцы обыкновенно показываютъ количество уничтоженныхъ посѣвовъ и разрушенныхъ фанзъ: это—наиболѣе



Сзади (въ мерлушковой шапкѣ) главноуполномоченный, сенаторъ П. Н. фонъ-Кауфманъ; спереди, въ срединѣ, старшій врачъ А. П. Штейнфельдъ, рядомъ—комендантъ поѣзда пор. В. А. Заблочкинъ.

Личный составъ санитарнаго поѣзда Краснаго Креста № 11. Поѣздъ этотъ, сформированный и оборудованный въ февралѣ с. г., вышелъ изъ Харбина на югъ 14 февраля и въ теченіе двухъ недѣль сдѣлалъ два рейса на театръ военныхъ дѣйствій, пройдя 1.550 верстъ, и вывезъ съ позицій нашего крайняго праваго фланга (изъ арміи ген. Каульбарса) 30 раненыхъ офицеровъ и 1.698 нижнихъ чиновъ. 18 февраля у дер. Суходяпу поѣздъ подвергся обстрѣлу неприятельскими снарядами. Съ 22 по 25 февраля поѣздъ каждую минуту угрожала опасность: чины пограничной стражи вынимали изъ-подъ рельсъ передъ проходомъ поѣзда пироксилиновыя шашки, ночью хунхузами въблизи поѣзда взрывались телеграфные столбы, близъ ст. Хуштай тотчасъ послѣ прохода поѣзда былъ поврежденъ путь. По фот. авт. «Нивы».

обычный родъ ущерба, причиняемаго имъ войною. Комиссія детально контролируетъ показанные убытки и для этого въ полномъ составѣ отправляется въ деревню и тамъ осматриваетъ на мѣстѣ потоптанныя поля, срубленные деревья и погибшія фанзы. Группа, воспроизведенная въ настоящемъ № «Нивы», представляетъ весь персоналъ одной изъ этихъ комиссій.

Офиска убытковъ производится слѣдующимъ способомъ: за единицу потравы принимается «му» (около $\frac{1}{3}$ нашей десятины), а за единицу убѣтка, произошедшаго отъ разрушенія фанзы—«дзянь» (около 6 квадр. аршинъ глинобитной постройки). За каждое «му» комиссія платитъ 3 р.—3 р. 50 к., а за каждый «дзянь» по 10 р. За срубленные деревья платится отъ 2 до 7 р. за штуку. Въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ, цѣны назначаются, по соглашенію просителей съ комиссіей, и нѣсколько болѣе возвышенныя.

Опредѣливъ сумму вознагражденія, комиссія тутъ же, на мѣстѣ, и, по возможности, въ присутствіи жителей деревни, передаетъ деньги старшинѣ и отбираетъ отъ него расписку, которую поднимываютъ и китайскіе чиновники.

Китайцы, какъ завзятые «кушцы», любятъ поторговаться и нерѣдко просятъ увеличить сумму офиски, но, въ общемъ, остаются очень довольны вознагражденіемъ.

Расходъ на подобныя вознагражденія, какъ мы уже замѣтили выше, очень великъ: его нужно считать сотнями тысячъ рублей. Есть деревни, которыя заявили количество потравы въ 25.000 «му».

Въ санитарномъ поѣздѣ.

Когда мы должны были возвратиться изъ Харбина въ дѣйствующую армію, принцъ Бурбонскій рѣшилъ отправиться до Харбина на пароходѣ по Сунгари. Я же, зная по прежнему опыту, что при осеннемъ мелководьи можно съ успѣхомъ засѣсть на мели на весьма неопредѣленный срокъ, и имѣя много срочныхъ дѣлъ, предпочелъ временно разстаться съ моимъ спутникомъ и поѣхать по желѣзной дорогѣ. Къ тому же и старыя раны, дававшія сильно о себѣ знать, вслѣдствіе полугодового скитанія по сырмъ фанзамъ, рекомендовали избѣгнуть переѣзда водою.

Когда я прѣѣхалъ на вокзалъ, къ пассажирскому поѣзду, вся платформа была полна самой разношерстной публикой: тутъ были и дамы, и санитары съ повязками на рукахъ, масса солдатъ разныхъ частей, много офицеровъ, выписывавшихся изъ госпиталей и возвращавшихся въ свои части, военныхъ врачей, сестеръ милосердія, штатскихъ, глядя на большинство которыхъ трудно было опредѣлить, къ какому классу общества они принадлежатъ, «восточныхъ человѣковъ» съ очень воинственнымъ видомъ, но, какъ я всегда замѣчалъ, болѣе предпочитавшихъ оставаться въ тылу арміи, бабъ и мужиковъ-переселенцевъ и пр. Въ пути были заставлены поѣздами, изъ которыхъ было два санитарныхъ, только что доставившихъ раненыхъ въ послѣднихъ бояхъ подъ Ляо-инюмъ. Ихъ выгрузили въ сторонѣ отъ платформы, и вокругъ

тебѣ, запряженныхъ обозными лошадьми, гдѣ уже сидѣли тяжело раненые, группировались всѣ тѣ, кто могъ передвигаться per pedes apostolorum.

До отхода поѣзда оставалось съ часъ времени, такъ какъ по военному времени въ назначенный по расписанію часъ онъ не отходилъ, и я пошелъ побѣдствовать съ нашими славными стратотерпцами. Большинство изъ нихъ въ нижнихъ частяхъ своихъ костюмовъ напоминало индѣйцевъ Сѣверной Америки, такъ какъ только-что выданные имъ сапоги хранили еще дѣвственный цвѣтъ желтой кожи, придававшей имъ большое сходство съ мокасинами. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною послѣ разговоровъ съ ранеными, я могъ бы выразить въ двухъ словахъ: мужественное спокойствіе. Но лицамъ солдатъ видно только было, сколько имъ пришлось перестрадать. Большинство рвалось назадъ въ строй и жалко, что ихъ «очень далеко завезли». Среди темныхъ группъ тамъ и сямъ блѣбли косынки сестеръ милосердія, раздававшихъ раненымъ табакъ.

Возвращаясь отъ нихъ на станцію, я попалъ въ объѣты доктора В. Д. Беллюстина, и его славное открытое лицо, обрамленное вьющейся бородкой, воскресило во мнѣ рои тяжелыхъ воспоминаній изъ прошлаго. Мы не видѣлись съ прошлой войны въ Монголіи, когда Беллюстинъ явился съ отрядомъ, пришедшимъ ко мнѣ на выручку въ Католическій монастырь, и энергично приступилъ къ перевязкамъ серьезной раны, не внушавшей ему особеннаго довѣрія.

— Куда вы?—спросилъ онъ меня.

— Въ армію.

— Такъ поѣдете съ нами въ санитарномъ поѣздѣ; онъ идетъ вѣкорѣ послѣ пассажирскаго, и пустой. Я дамъ въ ваше распоряженіе весь офицерскій вагонъ, и вы съ полнымъ комфортомъ проведете четыре дня пути, вмѣсто того, чтобы маяться въ душномъ вагонѣ, гдѣ пассажиры напиханы, какъ сельди въ боченкѣ.

Я тѣмъ болѣе не долго колебался принять приглашеніе, что давно хотѣлъ познакомиться съ укладомъ жизни санитарныхъ поѣздовъ, оказавшихъ столько необходимыхъ услугъ арміи и такъ прекрасно оборудованныхъ.

Поѣздъ, въ который я такъ неожиданно попалъ, носилъ № 12 и былъ сооруженъ новостроившеюся Подольскъ-Сыдлецкою дорожкой. Онъ состоялъ изъ офицерскаго вагона, десяти вагоновъ для нижнихъ чиновъ, одного для аптеки и операціонной, и для сестеръ милосердія, одного для личнаго служебнаго персонала поѣзда, одного для прислуги и вагона-кухни. Кромѣ того, въ виду громаднаго наплыва раненыхъ, къ нему присоединили еще восемь



Комендантъ поѣзда капит. Роговъ-Левитскій, врачъ Ямпольскій, Ѳоменко, завѣд. хозяйствомъ Пчелкинъ, старшій врачъ Воронинъ, старшая сестра милосердія Чернолуцкая. Личный составъ 54 сибир. военно-санит. поѣзда, сформированнаго въ г. Кіевѣ. По фот. авт. «Нивы».

так-называемых теплушек, т. е. товарных вагонов, приспособленных для перевозки больных и раненых.

Личный персонал поезда состоял из старшего врача, двух младших, классного медицинского чиновника, фармацевта, пяти сестер милосердия и тридцати санитаров и другой прислуги.

Старшею сестрою была Ольга Викторовна Нахимова, и я редко встречал более удачный выбор в этом отношении. Редкое *savoir vivre* и утонченность говорить с солдатами, и заручиться их расположением—она соединяла с искреннею любовью к своим обязанностям. Состав сестер и врачей был также чрезвычайно симпатичный, и все видимо жили дружно и помогали друг другу, так что дело помощи раненым было поставлено хорошо.

Вагоны были приспособлены прекрасно, в офицерском вагоне все кровати были с рессорами—так что тряска в них переходила в едва уловимое приятное качание. Да и по самой системе почти все вагоны были Пульмановские.

С нами отправилась также пассажиркою сестра милосердия

поехавшая в головную часть шрапнели; с помощью особого механизма она устанавливается на известное число секунд, смотри по тому, на каком расстоянии желательно дать разрыв шрапнели.

Обе трубки были темными от покрывавшей их засохшей крови.

— Вот одна из них,—сказала Беллюстия,—попала цѣпкомъ въ бедро одному стрѣлку, а другая въ спину близъ позвоночнаго столба. Когда я осматривала обоих раненыхъ, они были спокойны, не стонали даже, и оба съ аппетитомъ поужинали. Только жаловались, что у нихъ что-то большое въ тѣлѣ застряло. Когда первого изъ нихъ принесли въ операционную, я, осмотрѣвъ рану, былъ убѣжденъ сначала, что въ нее попалъ небольшой осколокъ, попробовалъ достать его рукой—скользнулъ; тогда я взялъ щипцы—тоже самое; раскрылъ ихъ, пробую—не могу захватить; сдѣлалъ разрѣзъ, снова пробую—никакихъ результатов; еще расширю—тоже ничего. Долго я возился, пока, наконецъ, не вытащилъ. Взялъ въ руки и обмеръ:—цѣлая дистанціонная трубка! У другого—то же самое.

— Ну, и что же, раненые эти выжили?—спросилъ я.



Лазаретъ русскихъ женщинъ для раненыхъ воиновъ, устроенный въ Петербургѣ (на углу Каменноостровскаго просп. и Архiereйской ул.). По фот. авт. «Нивы».

графиня Капнистъ, завѣдывавшая Екатеринославскимъ отрядомъ и приѣзжавшая просить генерала Линевича перевести ее отрядъ въ Хабаровскъ поближе къ театру военныхъ дѣйствій, такъ какъ его назначили на станцію Урульгу близъ Читы. Графиня Капнистъ самоотверженно работала всю прошлую войну въ госпиталяхъ. Такую и не разъ подвергалась смертной опасности, помогая при операціяхъ покойному доктору Кукорѣву, такъ какъ фанза, гдѣ онъ производился, не разъ наводилась китайскими гранатами.

Санитарный поездъ № 12-й принималъ раненыхъ прямо съ поля сраженія подъ Ляоюномъ, и мнѣ рассказывали врачи и сестры, что картина боя была такова, что, конечно, они никогда ее не забудутъ. Все горы и долины какъ бы дымилась отъ снарядовъ; въ воздухѣ стоялъ неумолимый ихъ грохотъ, это была сущая адъ; казалось, что никто не можетъ выйти живымъ изъ этой вакханаліи смерти. Многие раненые, приносимые въ поездъ, умирали у вагоновъ. Весь путь отступления нашихъ войскъ былъ ими запруженъ, и тѣмъ не менѣе вся эта масса людей, лошадей, орудій и повозокъ шла стройнымъ потокомъ безъ шума, суеты и замѣшательства.

Нѣкоторые раны, по словамъ доктора Беллюстия, къ слову сказать—выдающагося хирурга, были прямо ужасны на видъ и по существу, и тѣмъ не менѣе солдаты выживали послѣ очень трудныхъ и рискованныхъ операцій.

— Да вотъ, постойте, я вамъ иллюстрирую сейчасъ все сказанное нагляднымъ примѣромъ,—прервалъ свое повѣствованіе за чаемъ въ столовой Беллюстия и прошелъ въ кухню. Черезъ минуту онъ вернулся оттуда и положилъ передо мною двѣ дистанціонныя трубки.

Надо пояснить, что дистанціонною трубкою называется мѣдное массивное, вѣсомъ фунта въ четыре, приспособленіе, ввинчиваю-

щее въ головную часть шрапнели; с помощью особаго механизма она устанавливается на известное число секунд, смотри по тому, на какомъ расстоянии желательно дать разрывъ шрапнели.

— А вотъ осколокъ бризантной гранаты,—и докторъ вынулъ изъ завернутой бумажки маленький кусочекъ неправильной формы съ острыми изломами.—Такихъ приходилось доставать у одного раненаго штукъ по двадцати и болѣе.

Разговоръ перешелъ на пулевые раны, и докторъ привелъ мнѣ цѣлый рядъ удивительныхъ примѣровъ.

— Вотъ пуля,—показалъ мнѣ онъ одну деформированную:—которая произвела три раненія въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

— Это какимъ же образомъ?—невольно удивился я.

— Очень просто: солдатъ стоялъ на брустверѣ окопа на одномъ коленѣ. Другая нога вынесена впередъ и подогнута. Пуля ударила въ камень и отъ рикошета отскочила подъ угломъ вверхъ, ударила въ плечо, пронизала его, потомъ въ ляжку и ее также пробила и ударила въ бокъ, гдѣ и застряла. Какова же сила удара, что онъ, сильно замедленный ударомъ въ камень, пробилъ такую толщину тѣла! Раненый этою пулею въ великой опасности.

Было нѣсколько раненій въ голову насквозь черезъ мозгъ, и пациенты выживали.

Затѣмъ я замѣтилъ,—продолжалъ Беллюстия,—что, какъ только японцы ввели въ дѣло резервныя войска со старымъ вооруженіемъ, раны стали много тяжелѣе.

— Ну, какъ же слагается ваша служба на санитарномъ поездѣ?—спросилъ я Беллюстия.

— Теперь мы отдыхаемъ,—отвѣтилъ онъ,—но не совсемъ, потому что идетъ страшная возня съ отчетностью, и въ ней проходить все время возвращенія въ обратный путь за новымъ транспортомъ раненыхъ. Тогда начинается тотчасъ работа, и уже не покладая рукъ.

Прежде всего надо всёх размѣстить. Это трудъ не легкій съ тяжело ранеными, которыхъ надо подавать въ носилкахъ и съ трудомъ проносить въ дверяхъ. Затѣмъ нужно всёхъ обмыть, переодѣть, накормить, вновь перевязать, и тогда и приступаю къ осмотру и операциямъ. Нѣкоторыхъ нельзя съ мѣста тронуть и нести въ операционную, и тутъ является много неудобствъ. Койки у насъ подвѣшены въ два ряда. Съ тѣми, кто лежитъ внизу, приходится работать на коѣнѣхъ, а кто наверху, — становиться на табуретъ или на стулъ. Согласитесь, что положеніе для оперирующаго врача въ обоихъ случаяхъ не нормальное, и изъ него есть единственный выходъ, такъ какъ надъ этимъ вопросомъ и долго ломалъ голову: это — устроить въ каждомъ вагонѣ тяжело раненыхъ свою операционную. Да, много есть такого еще, что слѣдовало бы усовершенствовать и что выясняется только на практикѣ и ускользаетъ отъ теоріи, — закончилъ свой интересный разсказъ Беллюстинъ.

До Харбина мы доѣхали довольно быстро — въ четыре дня, — и я, къ великому своему удовольствію, могъ съ большой пользой провести это время, такъ какъ писать было вполне возможно благодаря большому столу и незначительной тряскѣ. Мало того, О. В. Нахимова и графиня Капинсъ вызвались мнѣ помогать и переписывать, что нужно, такъ что офицерскій вагонъ, въ которомъ мы трое усердно строчили, принялъ видъ рабочаго кабинета.

По дорогѣ мы то и дѣло встрѣчали санитарные поѣзда, переполненные больными и ранеными, которыхъ сдавали въ госпитали въ Гродековѣ, Никольскѣ и Хабаровскѣ. Всѣ эти пункты являлись прекрасными санитарными станціями, и къ нимъ и отъ нихъ обратно

хажь... Съ особенною силою эти надежды, ожиданія и слухи возникаютъ послѣ каждой серьезной неудачи русскаго оружія: такъ, сдача Портъ-Артура, проигранное сраженіе подъ Мукденомъ и, наконецъ, пораженіе при Цусимѣ вызвали цѣлый взрывъ толковъ о мирѣ въ иностранной и нашей печати. Благодаря внимательству полномочныхъ представителей пятой великой державы — прессы, и содѣйствію биржевыхъ сферъ, умѣло учитывающихъ распространеніе политическихъ слуховъ въ смыслѣ игры на повышеніе или на пониженіе различныхъ фондовъ — толки эти въ послѣднее время принимали въ высшей степени конкретныя формы: изъ самыхъ достоверныхъ источниковъ сообщалось о дружескомъ посредничествѣ то Франціи, то Англіи, то Германіи, то Соединенныхъ Штатовъ. Особенно много сенсационныхъ утокъ разлетѣлось по блѣдному свѣту изъ С. Америки. Геніальные репортеры великой атлантической республики, въ подтвержденіе справедливости тайныхъ переговоровъ о мирѣ, которые они дѣлали явными, сообщали о каждой встрѣчѣ президента Рузвельта съ японскимъ посланникомъ; когда же президентъ отправился изъ Бѣлаго Дома на охоту, отымая, такимъ образомъ, почву изъ-подъ ногъ распространителей сенсационныхъ слуховъ, то послѣдніе поспѣшили вложить ему въ уста многозначительную фразу о готовности тотчасъ же вернуться въ Нью-Йоркъ при первомъ извѣстіи о началѣ дипломатическихъ переговоровъ. Вѣроятно, на благородной тревогѣ челоуѣчества немало зарабатываетъ и биржа, и изобрѣтательный репортажъ, но уже самое обиліе слуховъ о мирѣ, несомнѣнно, всего сильнѣе свидѣтельствуетъ о всеобщей жаждѣ мира, о страстномъ



Группа офицеровъ 24 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка во главѣ съ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковн. П. А. Лечицкимъ (1).
По фот. авт. «Нивы».

или цѣлые транспорты больныхъ и выздоравливающихъ. Эта безконечная сѣмьна давала, напримѣръ, такіа цифры: — за послѣдній періодъ времени больныхъ и раненыхъ было вывезено изъ арміи до пятидесяти тысячъ челоуѣкъ, а тридцать тысячъ изъ нихъ уже обратились въ строй совершенно здоровыми.

По дорогѣ сильно чувствовалась разница между Уссурийскимъ краемъ и Южной Манчжуріей, въ смыслѣ климата. На югѣ еще дозрѣвалъ таежникъ, а здѣсь всѣ деревья уже потеряли свою зелень и окрасились всевозможными тонами отъ ярко краснаго до золотистаго. Получался въ общемъ чарующій осенній пейзажъ, который, если бы перенести его на полотно, вызвалъ бы полное недовѣріе зрителей, непремѣнно бы заявившихъ, что художникъ чересчуръ сфантазировалъ.

Въ Харбинѣ мы прибыли на зарѣ, и насъ сразу охватилъ шумъ просыпающагося къ жизни большаго города, въ которомъ на каждомъ шагѣ чувствовалась тѣгота военной грозы.

Харбинъ.

Ю. Елецъ.

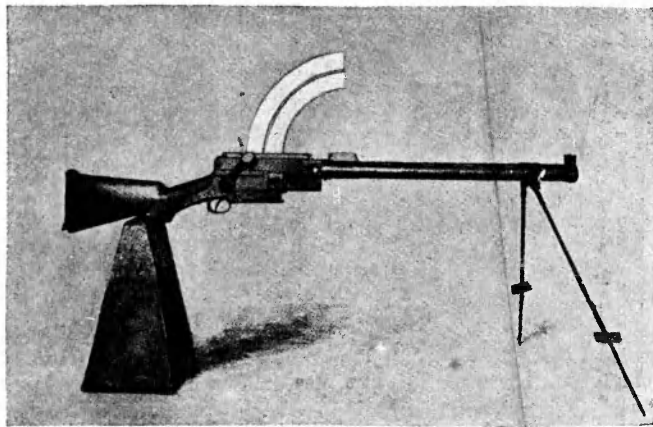
Къ толкамъ о мирѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Нынѣшняя война отъ всёхъ предшествовавшихъ больше всего отличается тѣмъ, что почти сплошь проходитъ подъ непрерывный аккомпанементъ безконечныхъ толковъ о мирѣ. Толки эти иногда пріобрѣтаютъ совершенно фантастическій характеръ; напр., долгое время бездѣйствіе враждующихъ армій на Шахѣ породило вздорную, передававшуюся изъ устъ въ уста, легенду о томъ, будто бы между Оямой и Куропаткинымъ состоялось тайное соглашеніе не губить солдатъ въ безплодныхъ кровопролитіяхъ и разыгрывать безкровную пантомиму войны, не прибѣгая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ужасныя сцены массоваго взаимонистребленія, совершающагося на Дальнемъ Востокѣ, какъ тяжелый комъ, давятъ совѣсть челоуѣчества, и большая мысль, неспособная осилить такую тяжелую и мрачную дѣйствительность, ищетъ отдыха въ миролюбивыхъ надеждахъ и самыхъ легкомысленныхъ слу-

и напряженномъ ожиданіи вожделѣннаго конца мучительной и кровопролитной войны.

Война ужасна, и миръ необходимъ, какъ воздухъ, какъ свѣтъ солнца, какъ хлѣбъ насущный, но что же дѣлать? Для того, чтобы воспользоваться благами желаннаго мира, его надо раньше заработать, какъ тотъ же насущный хлѣбъ. Если мы спустимся съ туманной выси заоблачныхъ грѣзъ на грѣшную землю и оглянемся на реальныя условія современной международной жизни, то намъ станетъ ясно, что, при агрессивномъ настроеніи побѣдоносной Японіи, миръ уже не зависитъ отъ одной нашей воли. Быть-можетъ, мы въ тайникахъ души своей и готовы были бы уже отказаться отъ прежней роли въ Манчжуріи, но — увы! — теперь дѣло идетъ уже не о Манчжуріи, а о Сахалинѣ, Восточномъ побережьи, о контрибуціи, о давнихъ владѣніяхъ Россіи. Миръ во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣной называется уже не миромъ, а капитуляціею цѣлаго государства, но, пока невозможность дальнѣйшаго сопротивленія еще не ясна, никто изъ русскихъ людей не захочетъ добровольно склонить покорно голову, всѣ искренно желаютъ мира, а не позорной сдачи. Повторяемъ, миръ нужно заработать честнымъ трудомъ, кунить цѣною огромнаго напряженія національной энергіи — и чѣмъ большій запасъ внутренней мощи обнаружитъ Россія, чѣмъ больше готовности къ дальнѣйшей борьбѣ проявитъ она, тѣмъ ближе будетъ къ намъ сладкій часъ искренняго и полнаго примиренія съ сегодняшнимъ врагомъ. Франція сдалась на рѣшительныя требованія Бисмарка только послѣ того, какъ увидѣла совершенно истощенными всѣ ресурсы для продолженія борьбы и окончательно утратила всякую надежду на побѣду. Каковы бы ни были наши неудачи въ настоящей войнѣ, Россія не находится еще въ столь безнадежномъ положеніи, а, слѣдовательно, русская дипломатія была бы не въ правѣ возложить на свой народъ уплату японцамъ милліардной контрибуціи и отторгнуть отъ его владѣній Сахалинъ и Приморскую область. Россія хочетъ мира, но не позорной капитуляціи, и если въ рѣшеніяхъ дипломатическаго вѣдомства будетъ допущена или даже только принята во вниманіе воли народа, такая капитуляція, при внутреннемъ гражданскомъ обновленіи страны, сдѣлается фактомъ, исторически невозможнымъ.



Усовершенствованная митральеза. Ружье Рексера, приготовленное к стрельбе.

Въ рѣшеніи вопроса: миръ или война?—мы должны руководствоваться только соображеніями собственныхъ интересовъ и завѣтами собственнаго миролюбія. Миролюбивыя пожеланія нашихъ зарубежныхъ друзей, въ родѣ французскихъ капиталистовъ, любезно выражившихъ устами «Temps» готовность ссудить намъ 4 миллиарда франковъ на уплату контрибуціи, или бывшаго товарища англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ сэра Чарльза Дилка, предлагавшаго, въ видѣ мирныхъ условий, обязать насъ срыть укрѣпленія Владивостока и не допустить занятія японскими войсками Порты-Артура, т. е. обезсилить и Японію, и Россію въ Тихомъ океанѣ въ интересахъ самой Англіи—все эти пожеланія «третьихъ лицъ» не должны ни на одинъ шагъ отклонять насъ въ сторону съ прямого пути реальныхъ интересовъ русскаго народа. Ходяія фразы, въ родѣ изреченія, что, продолжая войну, Россія будетъ восвать уже не съ Японіей, а съ общественнымъ мнѣніемъ цѣлой Европы,—едва ли могутъ смутить тѣхъ, кто служитъ не «общественному мнѣнію Европы», въ высшей степени эластичному, когда дѣло касается ея собственныхъ интересовъ, а своей родной странѣ. Изъ-за поощрительныхъ улыбокъ и ласковыхъ взоровъ Европы было бы грѣшно идти на уступки, неоправданныя крайнею необходимостью, и обременять свой народъ уплатой миллиардныхъ контрибуцій. Россія хочетъ не разорительной—въ моральномъ, политическомъ и финансовомъ смыслѣ—капитуляціи, а честнаго мира и, пробужденная къ гражданской жизни, внутренне обновленная пережитыми испытаниями, она сумѣетъ заработать себѣ почетный миръ.

Ясновидящая.

(Картина Габріэля Макса).

(Рис. на стр. 445).

Наука о человѣческой душѣ сдѣлала за послѣднее время огромные успѣхи, открывъ и изслѣдовавъ много такихъ явленій въ психической жизни человѣка, которыя считались прежде или наводженіемъ діавола, или необъяснимымъ чудомъ.

Вспомнимъ, напримѣръ, о гипнотизмѣ, о раздвоеніи человѣческаго «я», когда, буквально въ одномъ тѣлѣ живутъ два совершенно различныхъ по характеру и духу человѣка, вспомнимъ далѣе о такъ-называемомъ «вызываніи духовъ» (стучащій столикъ, блюдечко и т. п.), когда совершенно непроизвольно и независимо отъ воли человѣка работаетъ какое-то другое его сознаніе, создавая цѣлыя фантастическіе разговоры и даже повѣсти. Вспомнимъ, наконецъ, о чтеніи мыслей, о ясновидѣніяхъ. Психологи и психіатры съ успѣхомъ работаютъ надъ изслѣдованіями этихъ странныхъ и необычныхъ явленій, и уже многое ими объяснено, и многое даже примѣняется на практикѣ къ лѣченію: такъ, въ настоящее время многія болѣзни съ огромнымъ успѣхомъ излѣчиваются простымъ гипнотическимъ внушеніемъ. То же самое было съ электричествомъ: тайная вначалѣ и грозная сила природы—оно было потомъ изслѣдовано, изучено и теперь служитъ человѣчеству въ самомъ разнообразномъ примѣненіи.

Одно изъ подобныхъ странныхъ душевныхъ состояній изображено на картинѣ извѣстнаго художника Г. Макса: «Ясновидящая». Предъ нами женщина, находящаяся въ такъ-называемомъ «трансѣ», т. е. въ томъ душевномъ состояніи, когда затмевается ея нормальное обыденное сознаніе, и начинается зато работать какое-то другое сознаніе, обыкновенно таящееся гдѣ-то въ глухихъ закоулкахъ души. Въ такомъ состояніи она видитъ, слышитъ и чувствуетъ то, чего она не въ состояніи видѣть, слышать и чувствовать при нормальныхъ условіяхъ. Нечего и говорить, конечно, что такую способностью «ясновидѣнія» обладаютъ лишь рѣдкія лица, отличающіяся особой нервной восприимчивостью.

Иллюстрація къ „Мѣдному Всаднику“.

(Рис. на стр. 448).

Нашъ извѣстный художникъ Бенуа предпринялъ цѣлый рядъ иллюстрацій къ поэмѣ Пушкина «Мѣдный Всадникъ». Можно съ

полнымъ правомъ назвать эти иллюстраціи: «Петербургъ при Пушкинѣ»,—такъ живо, колоритно и ясно изображаетъ онъ въ нихъ нашу столицу того времени, когда въ ней жилъ великій поэтъ, прославившій ее въ строфахъ «Мѣднаго Всадника»:

«Люблю тебя, Петра творенье»...

Воспроизводимый въ настоящемъ № «Нивы» рисунокъ Бенуа иллюстрируетъ извѣстный стихъ: «Люблю воинственную живость потѣшныхъ марсовыхъ полей». Наши читатели, конечно, сразу вспомнятъ, глядя на этотъ рисунокъ, хорошо знакомую картину майскаго парада: тѣнистыя деревья Лѣтнаго сада, подмостки съ тысячами зрителей, памятникъ Суворову, окруженный волнами тѣсно двигающейся толпы, и необозримые ряды «пѣхотныхъ ратей и коней» съ ихъ «однообразной красотостью». И только костюмы—шляпы, «боливары», косички и кивера—говорятъ намъ о томъ, что эта знакомая намъ картина взята не изъ нашего времени, а изъ эпохи нашихъ предковъ.

Произведенія А. С. Пушкина, равно какъ и другихъ знаменитыхъ нашихъ писателей, почему-то крайне неохотно иллюстрируются нашими болѣе или менѣе извѣстными художниками. И поэтому нельзя не поставить г. Бенуа въ особую заслугу его иллюстраціи къ великому русскому поэту: долженъ же, наконецъ, хоть А. С. Пушкинъ найти достойнаго иллюстратора, если ужъ это такъ трудно и недостижимо для другихъ нашихъ писателей!

Усовершенствованная митральеза. (Съ 2 рис. на этой стр.).

Усовершенствованіе смертоносныхъ орудій идетъ все впередъ и впередъ. Еще не успѣли мы достаточно надивиться страшному дѣйствию пулеметовъ, «подливающихъ противника какъ бы струею пуль», какъ намъ говорятъ уже о новомъ техническомъ изобрѣтеніи, которому, какъ кажется, суждено превзойти все до сихъ поръ извѣстное въ дѣлѣ истребленія человѣчества.

Рѣчь идетъ о такъ-называемомъ «ружьѣ-митральезѣ Рексера». Датскій инженеръ Рексеръ придумалъ особое ружье, способное выпускать въ одну минуту (при пѣхотномъ навѣѣ стрѣляющаго) до 300 пуль. Англійскій король Эдуардъ VII, во время своего послѣдняго визита въ Данію, присутствовалъ при опытахъ съ ружьемъ Рексера и остался до такой степени доволенъ его чудодѣйственными качествами, что рѣшилъ немедленно ввести его въ англійскій арміи. Говорятъ, что Японія тоже вводитъ у себя эти же «рексеры». Не мѣшало бы, конечно, ознакомиться ими и нашей арміи.

«Рексеръ» представляетъ собою нѣчто въ родѣ большого мушкета, и размѣры его въ общемъ настолько незначительны, что дѣйствовать имъ можетъ одинъ человѣкъ безъ всякой прислуги. Вѣсъ его едва достигаетъ 8 килограммовъ, и любой пѣхотинецъ легко можетъ нести его на перевязи, а кавалеристъ—прицѣпивъ его къ луку сѣдла. Запасъ патроновъ для «рексера» — въ 8000 штукъ — свободно умѣщается на выюкѣ одной лошади.

Характерную особенность «рексера» составляетъ его «магазинъ», т. е. помѣщеніе для патроновъ во время стрѣльбы. Магазины этотъ имѣетъ вѣерообразную вѣишность и прикрѣпляется надъ ружьемъ въ видѣ двухъ роговотъ. Ружье снабжено особымъ штифтомъ, служащимъ для того, чтобы опираться на него во время стрѣльбы дуло. При стрѣльбѣ стрѣляющій ложится на животъ на землю, упираетъ прикладъ о плечо, и затѣмъ ему стоить только задѣть за спускъ, и въ теченіе какихъ-либо двухъ секундъ уже опораживается весь магазинъ, содержащій 25 патроновъ. Выстрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ молниеносной быстротой.

Но выстрѣлы, при желаніи, могутъ слѣдовать одинъ за другимъ и съ пѣхотными промежутками, если стрѣляющій, напримѣръ, захочетъ получше прицѣлиться. Характерною особенностью «рексера» является также еще и то, что онъ совсѣмъ не имѣетъ отдачи, и разъ взятый прицѣлъ не сбивается сотрясеніями выстрѣла.

Вообще, изъ всѣхъ современныхъ митральезъ, включая сюда извѣстныя орудія «Максимъ» и пресловутые пулеметы, ружье Рексера является самымъ лучшимъ, какъ по легкости употребленія, такъ и по силѣ дѣйствія, и ему можно предсказать блестящую карьеру въ жестокихъ войнахъ ближайшаго будущаго.



Усовершенствованная митральеза. Кавалеристъ, вооруженный ружьемъ Рексера, и лошадь, навьюченная патронами къ этому ружью.



Капит. 27-го вост.-сиб. стр. полка С. Э. Соболевский, состоявший во все время осады Портъ-Артура; на Зелёных горах раненъ въ ногу на вылетъ.



Штабс-капитанъ 15 вост.-сиб. стрѣлк. полка П. А. Шелковниковъ, защитникъ Портъ-Артура.



Поручикъ 15 вост.-сиб. стр. полка С. Н. Гудковъ 1, пробывшій все время осады въ Портъ-Артурѣ; былъ контуженъ.



Подпоручикъ 15 вост.-сиб. стрѣлк. полка П. В. Даниловскій 1, защитникъ Портъ-Артура, контуженъ въ голову и бедро.



Подпоручикъ артиллеріи А. Юзевичъ, защитникъ Портъ-Артура.



Лейтенантъ П. Г. Веселаго, защитникъ Портъ-Артура.



Техникъ В. С. Тетрино-Палищукъ, отправившійся на джонкѣ изъ Портъ-Артура въ Чифу и погибшій во время штурма.



Подполковникъ 213 оровайского пѣх. полка Д. І. Грендаль, скончавшійся отъ ранъ въ мартовскихъ бояхъ.



Подполковникъ 18 стрѣлковаго полка А. К. Бринкъ, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Капит. 287 тарусск. полка Д. В. Трофименко, награжд. орд. св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ, убитъ на Бейдалинскомъ перевалѣ 14 февр. 1905 г.



Капитанъ 8 томскаго сиб. пѣх. полка О. А. Новиковъ, раненый и контуженъ въ бою на Тумынлинскомъ перевалѣ у Шахъ.



Шт.-кап. 213 оровайского полка Б. Г. Городецкій, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Шт.-капит. 285 мценскаго пѣх. полка Н. К. Давыдовъ, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Шт.-кап. 87 нейшлотскаго пѣх. полка А. І. Яунитъ, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Шт.-капит. 216 инсарскаго пѣх. полка Л. Н. Сатурновъ, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Капитанъ 214 мокшанскаго пѣх. полка З. Н. Артемьевъ, раненый подъ Мукденомъ въ мартовскихъ бояхъ.



Поручикъ 8 томскаго пѣхотнаго полка П. М. Марковъ, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Поручикъ 34 вост.-сиб. стр. полка А. В. Владиміровъ, убитый въ январскихъ бояхъ.



Поручикъ 147 самарскаго пѣхотнаго полка О. И. Тихоновъ, убитый въ бояхъ подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 122 тамбовскаго пѣхотнаго полка П. П. Тереховъ, убитый въ послѣднемъ бою подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 124 воронежскаго полка В. З. Томме, дважды раненый въ бояхъ подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 216-го инсарскаго пѣх. полка А. Б. Семеновъ, раненый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Подпоручикъ 11 псковскаго пѣх. полка Н. Н. Хохольковъ, раненый 19 февраля 1905 года при дер. Линьшиньпу.



Подпор. 46 днѣпровскаго пѣх. полка М. Н. Самаряновъ, раненый въ обѣ ноги пулями на вылетъ и въ правую ногу сколками гранаты, въ послѣднемъ бою подъ Мукденомъ; въ плѣну.



Подпоручикъ 17 вост.-сиб. стрѣлк. полка Н. О. Говоровъ, участв. въ бояхъ и скончавшійся въ Кандалисанѣ 8 февраля с. г.



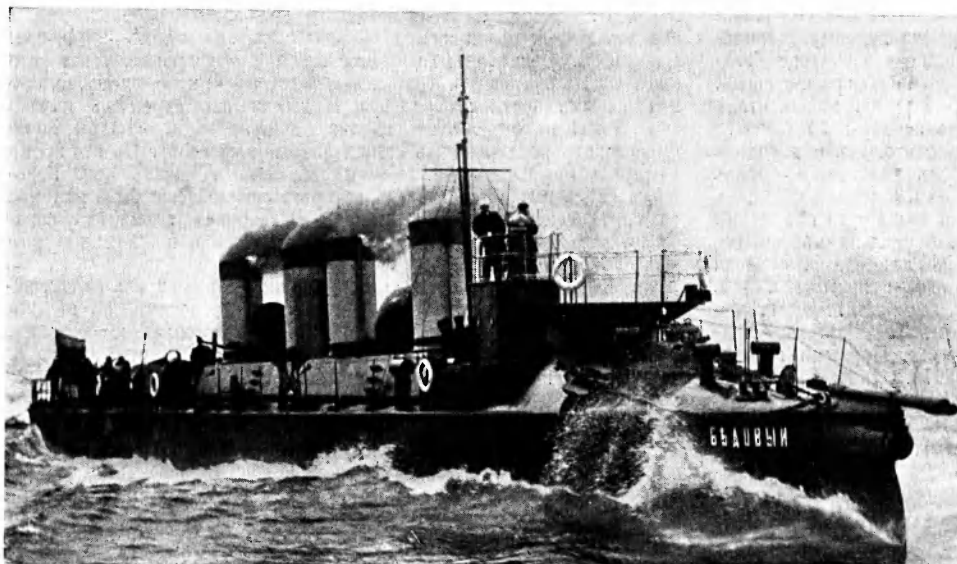
Подпоручикъ 34 вост.-сиб. стр. полка Н. Н. Гудковъ, раненый въ январскихъ бояхъ и награжд. орд. св. Анны 4 ст. и Станислава 3 ст.



Подпоручикъ 59 люблинскаго пѣх. полка П. П. Парскій, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Прапорщикъ 216 инсарскаго пѣх. полка Б. В. Варьвильскій, убитый въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.



Миноносець „Бѣдовѣй“, на которомъ находился раненый въ началѣ Цусимскаго боя вице-адмиралъ Рожественскій; взятъ въ плѣнъ японскими миноносцами.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».

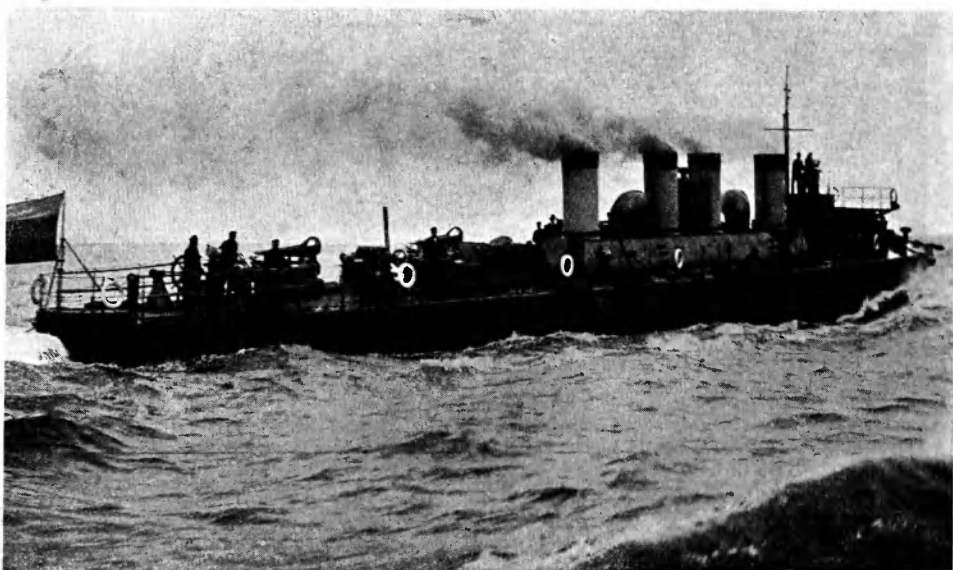
Цусимскій бой и мирныя вѣсти.

(Съ 5 рис. на стр. 457, 458 и 459).

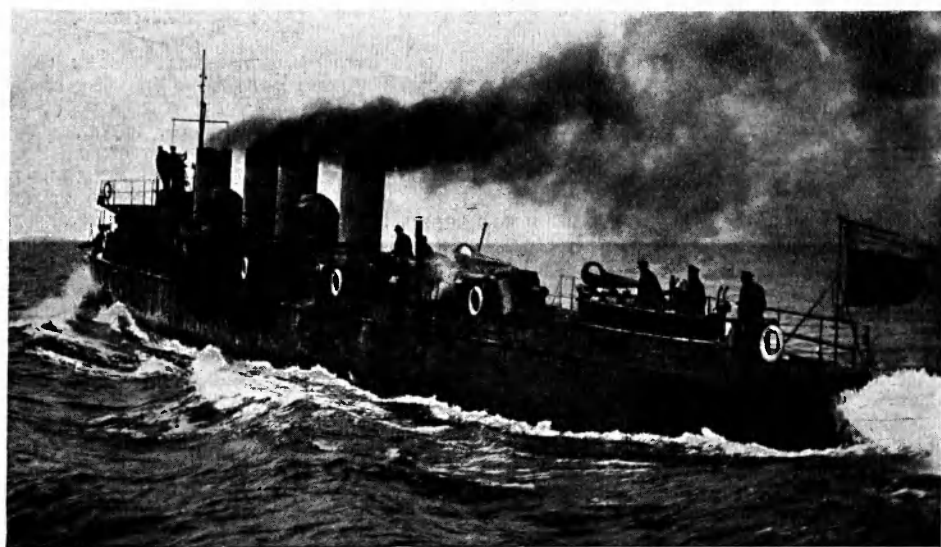
Страшная картина гибели нашей много-страдальной 2-й эскадры остается на половину задернутой траурнымъ флеромъ.

Даже тѣ, кто пережилъ это страшное событіе, видѣли не все его, въ полной его совокупности, а только отдѣльные эпизоды, и притомъ съ узкой и ограниченной точки своего кругозора.

Суммируя всѣ официально подтвержденные данныя, мы теперь можемъ съ достовѣрностью сказать, что изъ всего флота, приведеннаго Рожественскимъ и Небогатовымъ къ корейскимъ водамъ, прорвались во Владивостокъ лишь «Алмазь» и два миноносца. Крейсера «Олего», «Жемчугъ» и «Аврора» дошли съ поврежденіями до Маниллы и тамъ, согласно законамъ нейтралитета, разоружены. Крейсеръ «Изумрудъ» прорвался было сквозь цѣпь японскихъ судовъ, но потерпѣлъ аварію и взорвалъ своимъ командиромъ. Четыре броненосца захвачены въ плѣнъ, а всѣ остальные боевыя единицы флота погибли въ водахъ океана во время боя. Относительно обстоятельствъ гибели однихъ изъ нихъ есть точныя свѣдѣнія; относительно же другихъ такихъ свѣдѣній еще не имѣется.



Миноносець „Грозный“, пробившійся послѣ Цусимскаго боя во Владивостокъ.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».



Миноносець „Бравый“, пробившійся послѣ Цусимскаго боя во Владивостокъ.
По фот. Апостоли (копіи воспрещ.), авт. «Нивы».

Единственную подробную и обстоятельную картину боя 14 мая дастъ всеподданнѣйшая телеграмма генерала Ливенчика отъ 28 мая. Главнокомандующій сообщаетъ въ ней все то, что онъ могъ «выяснить изъ представленныхъ письменныхъ донесеній командировъ крейсера «Алмазь» и миноносцевъ «Грозный» и «Бравый» и личнаго доклада флигель-адъютанта Чагина, а равно и со словъ лейтенанта Саблина и другихъ офицеровъ, спасенныхъ съ «Осляби».

«Вечеромъ 12 мая, сообщаетъ—ген. Ливенчикъ:—крейсеръ «Урагъ» обнаружилъ переговоры неприятеля по беспроводно-ному телеграфу. 14 мая утромъ эскадра генералъ-адъютанта Рожественскаго въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ, имѣя транспорты по серединѣ, подходила къ восточному Корейскому проливу. Въ лѣвой колоннѣ шли броненосцы, въ правой—крейсера. Въ 7-мъ часу утра увидѣли на правомъ траверзѣ крейсеръ «Идзуми», шедшій почти параллельнымъ курсомъ съ эскадрой. Въ одиннадцатомъ часу усмотрѣли слѣва на траверзѣ отрядъ крейсеровъ «Касаги», «Нинтаки», «Читоза», «Тсусима», идущіе сходящимися курсами по направленію въ проливъ. Въ

это время «Владиміръ Мономахъ» по сигналу перешелъ на правый траверзъ транспортовъ и открылъ огонь по «Идзуми», который, отвѣчая ему, скрылся во мглѣ.

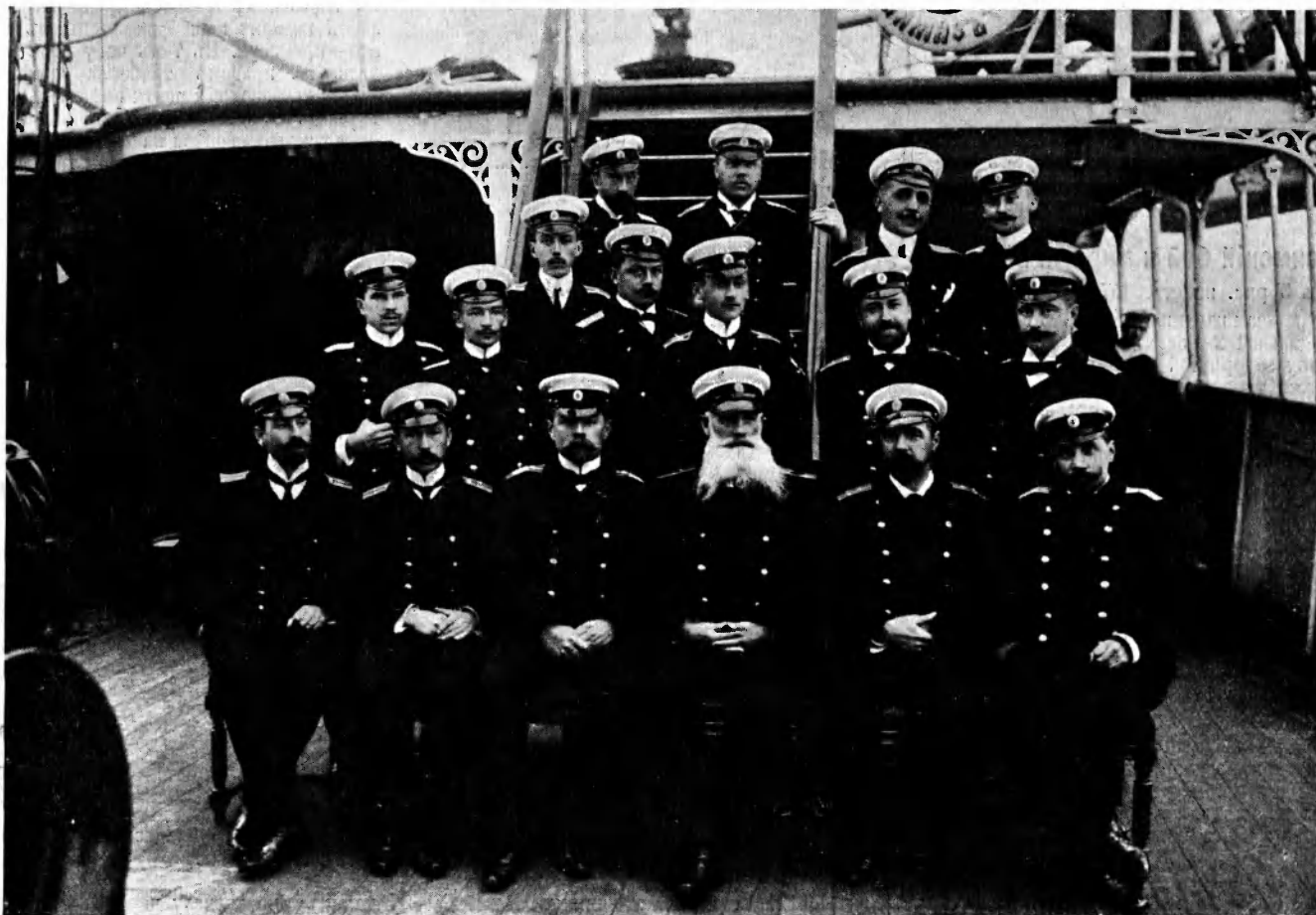
«Въ 11 час. 20 мин. 2-й броненосный отрядъ по сигналу открылъ огонь по японскимъ крейсерамъ, причемъ было замѣчено попаданіе въ крейсеръ «Нинтака» или «Тсусима». Японцы отвѣчали на огонь, повернули влѣво и скрылись въ туманѣ. Въ 11 час. 40 мин. 2-й и 3-й броненосные и крейсерскіе отряды выстроились въ одну кильватерную колонну по 1-му броненосному отряду, имѣя транспортный и развѣдочный отрядъ съ правой стороны. Въ полдень измѣнили курсъ на нордъ-остъ 23, и 1-й броненосный отрядъ отдѣльно уклонился немного вправо въ строѣ кильватера, на разстояніи 3 кабельтовыхъ. Въ 1 часъ 20 минутъ развѣдочный неприятельскій отрядъ опять показался слѣва, повидимому, иди на соединеніе съ главными силами. Въ 1 часъ 40 минутъ показалась неприятельская эскадра, состоящая изъ 4 броненосцевъ и крейсеровъ «Якумо», «Ниссинъ», «Кассуга», «Ивате», «Идзумо», «Адзума» и нѣкоторыхъ другихъ судовъ, всего 18 кораблей, шедшихъ большимъ ходомъ на востокъ. Туманъ уже разсѣялся, но горизонтъ былъ

мглистый, ветер южный 5 баллов. Сероватая окраска японских судов, сливаясь с мглой, делала их малозаметными. Наша эскадра открыла огонь, продолжая идти тем же курсом, а транспорты уклонились на 4 румба вправо и отошли от эскадры кабельтовых на 15, имея слева крейсерский отряд и сзади разведочный. Первый броненосный отряд, повернув на 2 румба влево, стал во главе второго броненосного отряда. Ход эскадры 10 узлов.

Бой начался с расстояния 60 или 70 кабельтовых и доходил до 20 кабельтовых. Неприятель на большом расстоянии перед носом повернул влево и лег контр-курсом. Стрельба японцев была очень меткая, они буквально засыпали наши суда снарядами и сосредоточили огонь преимущественно на наших адмиральских и головных кораблях, стреляли фугасными снарядами, сносили трубы, рангоут и все надстройки, производили пожары и уже после этого начинали громить броненосными снарядами. Маневрирование нашей эскадры стеснялось присутствием транспортов: «Анадирь», «Пртышъ», «Корея», «Русь» и «Свирь». Первыми пострадали из броненосцев «Ослябя» и «Суворовъ». Один из выстрел-

ский, Колокольников, мицманъ князь Ливень, Шинюадовъ, много команды. Къ мѣсту гибели «Осляби» подошли четыре миноносца спасать людей, что производили подъ сильнымъ огнемъ неприятеля. Вскорѣ за «Осляби» вышелъ изъ строя и «Суворовъ», у котораго были сбиты обѣ мачты, трубы, все надстройки; повидимому, онъ не имѣлъ возможности управляться и, выйдя изъ строя въ началѣ боя, стоялъ въ сторонѣ отъ района маневрированія эскадры, но не переставалъ поддерживать самый энергичный огонь. Въ это время адмиралъ Рожественскій, раненый въ самомъ началѣ боя, перешелъ со своимъ штабомъ, изъ котораго многіе тоже были ранены, на миноносецъ «Буйный». Въмѣсто «Суворова» головнымъ кораблемъ эскадры сталъ «Бородино», который лихо и энергично продолжалъ вести бой.

Около 4-хъ часовъ дня «Сисой Великій», выйдя изъ строя, тушилъ большой пожаръ въ носовой и средней частяхъ, но не переставалъ стрѣлять и оказывалъ поддержку концевымъ крейсерамъ, обстрѣливая легкіе японскіе крейсера, старавшіеся отрѣзать наши транспорты и крейсера; потушивъ пожаръ, «Сисой Великій» за-



Группа офицеровъ пробиравшагося во Владивостокъ крейсера „Алмазь“ во главѣ съ командиромъ крейсера флигель-адъютантомъ Чагинымъ и адмираломъ Энkvистомъ. По фот. Гвара, снятой въ Ревелѣ передъ отбытіемъ эскадры на Дальній Востокъ, авт. «Нивы».

ловъ въ «Осляби» попалъ слева въ жилую палубу, близъ носовой переборки. Черезъ пробойную вода пошла въ первый и второй отсѣки, черезъ трещины въ палубѣ и разбитыя вентиляторыя трубы въ носовой шестидесятидюймовый погребе и подбашенное отдѣленіе. Задымка пробойны, вслѣдствіе зыби и хода, была невозможна, дальнѣйшее распространение воды по жилой палубѣ было задержано третьою переборкою впереди носового траверза, а внизу вода дошла до отдѣленія носовыхъ аппаратовъ и динамо-машинъ. Новый снарядъ, попавшій съ лѣвой же стороны въ десятую угольную яму, пробивъ броню, затопилъ запасную крѣйту-камеру. Кренъ и дифферентъ на носъ увеличились. Для выпрямленія начали затоплять правые латронные погреба, что происходило медленно, вслѣдствіе малаго сѣченія клапановъ. Въ это время были сбиты стѣнги, и въ носовую башню попало три крупныхъ снаряда, первый повредилъ установку, третій, влетѣвъ въ амбразуру, вывелъ всю прислугу, тяжело ранилъ командира башни мицмана Майкова.

Около 3 часовъ, вслѣдствіе увеличенія крена, вода стала вливаться черезъ борта нижней батареи, которые нельзя было задрать, такъ какъ полуортики были перебиты. Незадолго до гибели, эскадра уклонилась немного вправо. «Осляби» вышелъ изъ строя и около 3 часовъ пошелъ ко дну, перевернувшись килемъ вверхъ. Въ моментъ гибели на мостикѣ находились командиръ капитанъ 1 ранга Беръ, капитанъ 2 ранга Генке, лейтенантъ Саблинъ, прапорщикъ Бодыревъ. Въ серединѣ боя были ранены старшій офицеръ капитанъ 2 ранга Похвисневъ, подполковникъ Осиповъ, лейтенанты: Косин-

нѣлъ свое мѣсто въ строѣ. Эскадра располагала курсами такъ, чтобы прикрывать «Суворова». Около 5-ти часовъ на броненосцѣ «Императоръ Александръ III» былъ виденъ большой пожаръ и кренъ, броненосецъ вышелъ изъ строя, но вскоре, потушивъ пожаръ и выправивъ кренъ, снова занялъ мѣсто въ строѣ; въ 8-мъ часу броненосецъ держалъ сигналъ: «Терплю бѣдствіе», хотя шелъ въ строй, но имѣлъ кренъ на правый бортъ. Съ самаго начала боя, приблизительно черезъ полчаса послѣ открытія огня, отъ японской эскадры отделились «Касаги», «Читозе», «Нинтака», «Тоусима», «Сума» и два крейсера типа «Мутсушима» съ намѣреніемъ обстрѣлять транспорты, среди которыхъ произошло замѣшательство, вслѣдствіе желанія уйти изъ-подъ перекрестнаго огня. Огонь японскихъ крейсеровъ былъ направленъ на транспорты и на «Свѣтлану», «Алмазь», «Ураль»; послѣдній получилъ подводную пробойну, вышелъ изъ строя и началъ спускать (гребный) суда. «Свѣтлана» подошелъ и сдѣлалъ сигналъ транспорту «Корея» — «принять людей съ «Урала»; въ это время «Свѣтлана» получилъ также носовую подводную пробойну и съѣлъ немного носомъ, но вступилъ въ свое мѣсто въ строй и продолжалъ бой. На помощь транспортамъ нѣсколько разъ отделились «Дмитрій Донской», «Владиміръ Мономахъ», заставляя своимъ огнемъ неприятеля удаляться.

Около 7-ми час. вечера эскадры находились приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: наши броненосцы шли курсомъ, параллельнымъ неприятелю, и стрѣляли правымъ бортомъ, имѣя головнымъ «Бородино», на которомъ было замѣтно пламя и дымъ; влево

отъ броненосцевъ, немного расходящимся курсомъ, шли «Олеги», «Аврора», «Донской», «Мономахъ»; лѣвѣ ихъ шли транспорты безъ «Камчатки» и «Урала», сопровождаемые крейсерами «Свѣтлана», «Алмазъ»; еще лѣвѣ шли «Жемчугъ», «Изумрудъ», миноносцы. Особыхъ поврежденій или крена не было замѣтно, кромѣ «Свѣтланы», имѣвшей дифферентъ на носъ. Далеко слѣва и сзади показывались японскіе крейсера 2-го ранга и 3-го класса и отъ 30 до 60 миноносцевъ видѣлось по горизонту. Въ 7 час. 10 мин. вечера «Бородино» повернулось на правую сторону и пошелъ мѣнѣе, чѣмъ въ три минуты, ко дну. Передъ закатомъ солнца съ броненосца «Николай» былъ сигналъ: «курсъ порѣ-остъ 23»; этимъ курсомъ шли около получаса; впереди показалось 9 японскихъ истребителей.

«Броненосцы начали склоняться вправо, крейсера — влѣво, причемъ крейсера застопорили машины, слѣдуя движенію головного «Олеги». Наши броненосцы, продолжая стрѣлять по японскимъ броненосцамъ и истребителямъ, оказавшимся на флангахъ, повернули всѣ вдругъ на 8 румбовъ влѣво, стараясь сблизиться съ отря-

и «Жемчугъ» за ихъ беззавѣтную честную службу въ тяжеломъ бою. Да утѣшить васъ всѣхъ сознание свято исполненнаго долга».

НИКОЛАЙ.

Владивостокъ. Командиру «Алмаза» флигель-адъютанту Чагину. «Отъ души благодарю васъ и поручаю вамъ передать Мою благодарность командирамъ, офицерамъ и командамъ «Изумруда», «Алмаза», «Грознаго» и «Браваго» за самоотверженный тяжелый подвигъ въ несчастномъ для насъ бою. Да послужитъ вамъ всѣмъ сознание свято исполненнаго долга утѣшеніемъ въ тяжеломъ испытаніи, постигшемъ нашу Родину». **НИКОЛАЙ.**

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій Цусимской катастрофы явились, какъ и слѣдовало ожидать, слухи и толки о мирѣ. Президентъ Рузвельтъ, уже и раньше пытавшійся взять на себя инициативу въ дѣлѣ мирнаго посредничества между обѣими враждующими державами, нынче выступилъ снова съ предложеніемъ такого посредничества. 26-го мая онъ черезъ дипломатическихъ представителей передалъ слѣдующую ноту русскому и японскому правительствамъ: «Президентъ чувствуетъ, что настало время,



Экипажъ миноносца „Бодрый“ во главѣ съ командиромъ капит. 2 ранга Ивановымъ 6-мъ.
По фот. Квара. снятой въ Ревелѣ передъ отбытіемъ эскадры на Дальній Востокъ. арт. «Нивы».

домъ нашихъ крейсеровъ, изъ которыхъ «Олеги», подъ флагомъ адмирала Энkvиста, «Аврора» и «Жемчугъ» продолжали идти на югъ, а прочіе вновь повернули на сѣверъ. Съ наступленіемъ темноты бой продолжался, причемъ японцы освѣщали насъ прожекторами, поставленными на истребителяхъ, такъ какъ на большихъ судахъ прожекторы вѣроятно были разбиты, подобно тому, какъ и у насъ. Первые минныя атаки японцевъ едва ли имѣли успѣхъ, такъ какъ до 10 час. вечера не было слышно взрывовъ. Весь бой происходилъ между островами Ики и Цусима».

Къ этимъ официальнымъ свѣдѣніямъ мы можемъ прибавить, что вице-адмиралъ Рождественскій находится въ Токіо, въ морскомъ госпиталѣ, и, судя по заграничнымъ извѣстіямъ, здоровье его поправляется.

Вице-адмиралъ генераль-адъютантъ Рождественскій, контр-адмиралъ Энkvистъ и командиръ «Алмаза», флигель-адъютантъ Чагинъ, удостоились получить нижеслѣдующія Высочайшія телеграммы:

Токіо. Генераль-адъютанту Рождественскому. «Отъ души благодарю васъ и всѣхъ тѣхъ чиновъ эскадры, которые честно исполнили свой долгъ въ бою, за самоотверженную ихъ службу Россіи и Миѣ. Волею Всевышняго не суждено было увѣнчать вашъ подвигъ успѣхомъ, но беззавѣтнымъ мужествомъ вашимъ Отечество всегда будетъ гордиться. Желаю вамъ скорого выздоровленія, и да утѣшитъ васъ всѣхъ Господь». **НИКОЛАЙ.**

Манilla. Контр-адмиралу Энkvисту. «Сердечно благодарю васъ, командировъ, офицеровъ и команды крейсеровъ «Олеги», «Аврора»

когда въ интересахъ всего человѣчества слѣдуетъ попытаться положить конецъ страшному и прискорбному столкновенію между двумя державами. Соединенные Штаты связаны узами дружбы съ Японіей и Россією. Президентъ чувствуетъ, что всемірный прогрессъ задерживается войною между двумя великими народами, и хотѣлъ бы побудить русское и японское правительства, не только въ ихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ всего цивилизованнаго мира, начать непосредственные переговоры другъ съ другомъ. Президентъ изъявляетъ свою готовность сдѣлать все, что окажется въ его силахъ, если только обѣ державы полагаютъ, что его услуги могутъ принести пользу, хотя бы въ смыслѣ устройства свиданія между представителями Россіи и Японіи. Но если предварительныя подробности для назначенія этого свиданія будутъ установлены непосредственно между обѣими державами или какимъ-нибудь другимъ путемъ, то президентъ ничего кромѣ чувства удовольствія не испытаетъ, такъ какъ единственная его цѣль заключается въ томъ, чтобы добиться такого свиданія; весь цивилизованный міръ будетъ молиться о томъ, чтобы оно привело къ окончанію войны».

Обѣ воюющимъ державы отнесли къ предложенію Рузвельта благосклонно. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Токіо, японское правительство дало слѣдующій отвѣтъ на предложеніе президента Рузвельта:

«Желая, какъ въ интересахъ всего міра, такъ и въ интересахъ Японіи, восстановленія мира съ Россією на условіяхъ, которыя

внолѣи гарантировали бы его прочность, императорское правительство согласно на предложение президента Рузвельта назначить уполномоченных для встрѣчи съ русскими уполномоченными въ срокъ и въ мѣстѣ, какіе по взаимному соглашенію будутъ признаны удобными, для обсужденія условий мира и окончательнаго заключенія мира непосредственно и исключительно между воюющими сторонами».

Въ томъ же духѣ высказалось и наше правительство: правительственное сообщеніе иностранныхъ дѣлъ, опубликованное 1-го іюня, гласитъ слѣдующее:

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ поручилъ своему послу въ Петербургѣ испросить частную аудиенцію для того, чтобы довести непосредственно до Его Величества удостовѣреніе чувствъ неизмѣнной дружбы Соединенныхъ Штатовъ къ Россіи и выраженія личнаго желанія Рузвельта содѣйствовать, насколько возможно, въ интересахъ всего мира къ прекращенію военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Послу было поручено присовокупить, что президентъ одновременно дѣлать подобныя же предложенія японскому правительству. Государю Императору благоугодно было принять 25-го мая г. фонъ-Мейера и благожелательно отнестись къ инициативѣ г. Рузвельта, которая, впрочемъ, была встрѣчена съ полной симпатіей также дружественными Россіи державами. Убѣдившись, что Японія расположена въ равной мѣрѣ принять предложеніе его, президентъ передалъ черезъ американскихъ дипломатическихкихъ представителей въ Петербургѣ и Токио императорскому русскому правительству, равно какъ и правительству микадо, официальное по сему предмету сообщеніе, опубликованное затѣмъ въ Вашингтонѣ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе министръ иностранныхъ дѣлъ по Высочайшему повелѣнію уведомилъ американскаго посла потою, отъ 30-го мая, что Государь Императоръ, вполнѣ сочувствуя побужденіямъ президента, желаетъ видѣть въ нихъ новое выраженіе традиціонной дружбы, связующей Россію съ Соединенными Штатами, равно какъ доказательство важности, придаваемой г. Рузвельтомъ, вполнѣ согласно видамъ Его Императорскаго Величества, всеобщему умиротворенію, столь необходимому для блага и прогресса всего человѣчества. Что касается возможнаго свиданія русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ, которымъ поручено об-

судить, насколько обимъ державамъ было бы возможно выработать условія мира. Императорское правительство въ принципѣ ничего не могло бы возразить противъ подобной попытки, если бы японское правительство выразило подобное желаніе».

Такимъ образомъ, благодаря посредничеству президента С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣланъ первый шагъ къ мирнымъ переговорамъ.

Бракосочетаніе германскаго наслѣднаго принца.

(Портр. на этой стр.).

Германскій царствующій домъ, а съ нимъ вмѣстѣ и весь германскій народъ отпраздновали знаменательное событіе: наслѣдникъ германскаго престола, кронпринцъ Вильгельмъ, сочетался бракомъ съ герцогиней Мекленбургъ-Шверинской Цециліей.

Бракосочетаніе состоялось въ Берлинѣ 24 мая.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, въ торжественной церемоніи императрица возложила герцогинѣ-невестѣ на голову корону. Вслѣдъ за тѣмъ министръ двора Вевель совершилъ гражданское бракосочетаніе, а послѣ того брачный cortege при огромномъ стеченіи народа направился къ капеллѣ для совершенія религіознаго обряда. Свадебныя торжества завершились въ этотъ день обѣдомъ и факельнымъ баломъ въ Бѣломъ Залѣ императорскаго дворца.

Германскій кронпринцъ Вильгельмъ родился въ 1882 г.; Кронпринцъ получилъ блестящее образованіе; какъ извѣстно, кронпринцъ прошелъ курсъ въ боннскомъ университетѣ по юридическому факультету. При этомъ пребываніи его въ средѣ студентовъ, въ корпорации «Боруссія», сблизило его съ интересами и жизнью его будущихъ подданныхъ и хорошо познакомило съ настоящимъ жизнью «по ту сторону



Августѣише новобрачные Ихъ Императорскія Высочества Германскій Наслѣдный принцъ Вильгельмъ и принцесса Мекленбургъ-Шверинская Цецилія.

дворца», что такъ важно для правителя.

Молодая супруга кронпринца, по своему августѣишему родителю, покойному великому герцогу Фридриху Францу III, происходитъ изъ стариннаго германскаго правящаго дома, а по своей августѣишей матери, великой герцогинѣ Анастасіи Михайловнѣ, приходится сродни русскому царствующему Дому. Принцесса родилась въ 1886 году. Принцесса Цецилія воспитывалась подъ непосредственнымъ руководствомъ своей матери; превосходно знаетъ нѣсколько языковъ и между прочимъ свободно читаетъ и говоритъ по-русски.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1905 г. къ 1 іюня слѣдовало внести не менѣе 6 руб., а гг. новымъ подписчикамъ, выписавшимъ и первыя 20 книгъ соч. А. К. Шеллера-Михайлова, — не менѣе 9 руб.

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ по тому озаботиться немедленно присылкою слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 27 номера (отъ 9 іюля). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченко. Повесть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — Возмѣщеніе военныхъ убытковъ китайцамъ. — Въ санитарномъ поѣздѣ. Къ толкамъ о мирѣ. (Политическое обозрѣніе). — Ясновидающая. — Иллюстрація къ „Мѣдному Всаднику“. — Усовершенствованная митральеза. — Цусимскій бой и мирныя вѣсти. — Бракосочетаніе германскаго наслѣднаго принца. — Заявленіе. — Объявленія. РИСУНКИ: Утки. — Большая дорога. — Ясновидающая. — „Люблю воинственную живость потѣшныхъ марсовыхъ полей“. — Отступившія изъ Мукдена части войскъ въ Телинѣ на площади передъ станціей. (2 рис.). — Отступившія войска въ Телинѣ на линіи. — Западная коммисія по возмѣщенію убытковъ китайскому населенію при Россійскомъ военномъ комиссарѣ. — На родномъ пелелищѣ. — Личный составъ санитарнаго поѣзда Краснаго Креста № 11. — Личный составъ 54 сибир. военномъ-санит. поѣзда, сформированнаго въ г. Киевѣ. — Лазаретъ русскихъ женщинъ для раненыхъ воиновъ. — Группа офицеровъ 24 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка во главѣ съ командиромъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ П. А. Лечичемъ (1). — Усовершенствованная митральеза. 1) Ружье Рексера, приготовленное къ стрѣльбѣ. 2) Кавалеристъ, вооруженный ружьемъ Рексера, и лошадь, навьюченная патронами къ этому ружью. — Капитанъ С. З. Соболевскій. — Штабсъ-капитанъ П. А. Шеллер-Михайловъ. — Поручикъ С. Н. Гудковъ 1. — Подпоручикъ П. В. Даниловскій 1. — Подпоручикъ А. Юзефовичъ. — Леитенантъ П. Г. Веселаго. — Техникъ В. С. Тетрино-Палицукъ. — Подполковникъ Д. 1. Грендаль. — Подполковникъ А. К. Бринкъ. — Капитанъ Д. В. Трофименко. — Капитанъ Ф. А. Новаковъ. — Штабсъ-капитанъ Б. Г. Городецкій. — Штабсъ-капитанъ К. К. Давыдовъ. — Шт.-капит. А. И. Янунъ. — Шт.-капит. Л. Н. Сатурновъ. — Капитанъ З. Н. Артемьевъ. — Поручикъ П. М. Марковъ. — Поручикъ А. В. Владиміровъ. — Поручикъ Ф. И. Тихоновъ. — Подпоручикъ П. П. Тереховъ. — Подпоручикъ В. З. Томме. — Подпоручикъ А. Б. Семеновъ. — Подпоручикъ Н. Н. Хохольковъ. — Подпоручикъ М. Н. Самаряновъ. — Подпоручикъ Н. Ф. Говоровъ. — Подпоручикъ Н. Н. Гудковъ. — Подпоручикъ П. П. Парскій. — Прапорщикъ Б. В. Вярвильскій. — Миноносецъ „Бѣдовый“. — Миноносецъ „Грозный“, пробившійся во Владивостокъ. — „Бравый“, пробившійся во Владивостокъ. — Группа офицеровъ пробившагося во Владивостокъ крейсера „Алмазъ“ во главѣ съ командиромъ крейсера флигель-адъютантомъ Чагинымъ и адмираломъ Энkvистомъ. — Экипажъ миноносца „Бодрыя“ во главѣ съ командиромъ капит. 2 ранга Ивановымъ 6-мъ. — Августѣише новобрачные Ихъ Императорскія Высочества Германскій Наслѣдный принцъ Вильгельмъ и принцесса Мекленбургъ-Шверинская Цецилія. На этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 33.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.

